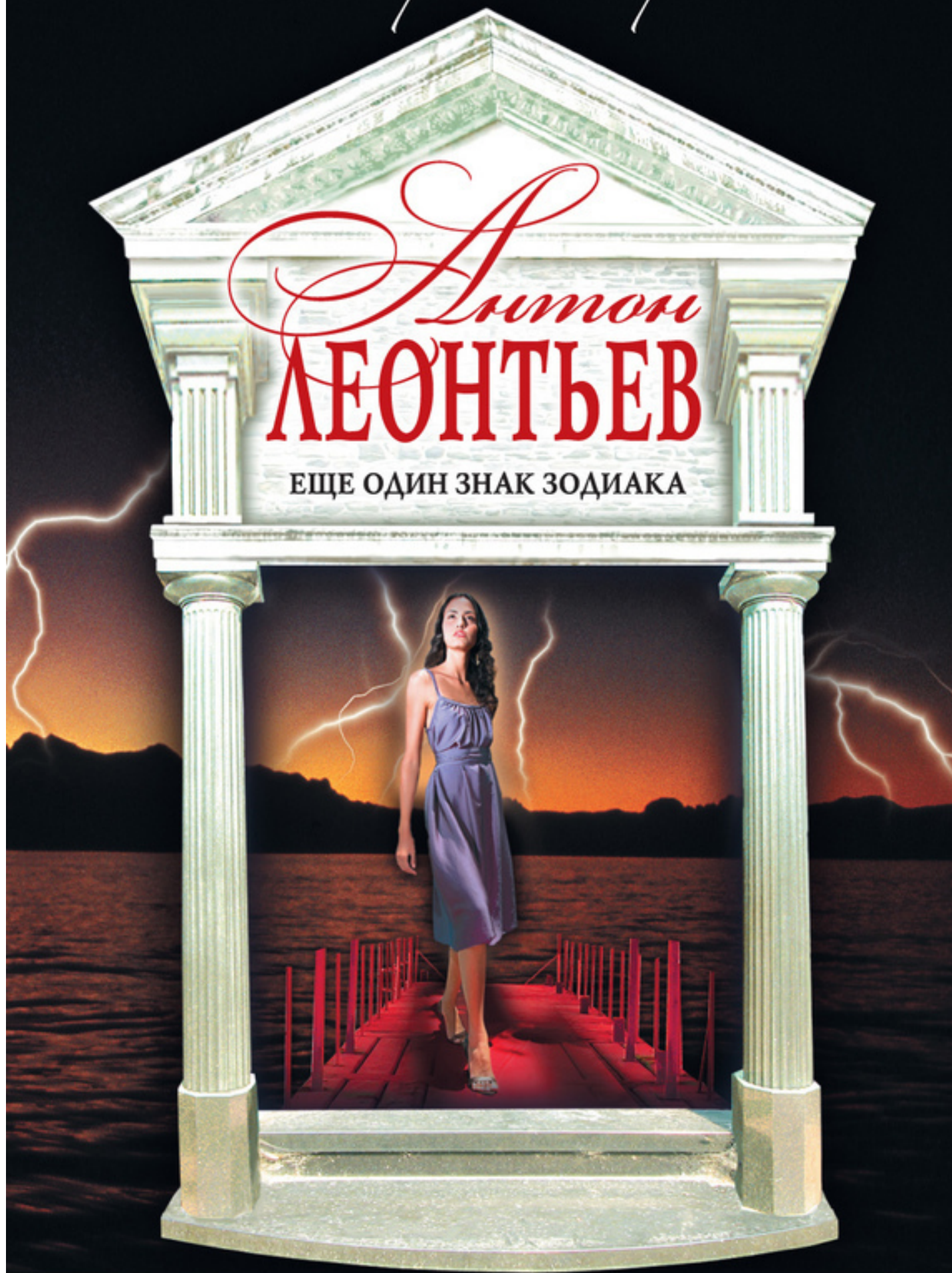

Авантюрная мелодрама

Литом **ЛЕОНТЬЕВ**

ЕЩЕ ОДИН ЗНАК ЗОДИАКА

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Еще один знак Зодиака

«ЭКСМО»

2007

Леонтьев А. В.

Еще один знак Зодиака / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2007

Меня убил Зодиак, маньяк, на руках которого кровь шести человек и на чьей совести смерть на электрическом стуле несправедливо осужденного. Однако я, Ирина Мельникофф, помощница великого писателя, автора известных во всем мире детективов Квентина Мориарти, не могу рассказать о том, что знаю. Ведь я мертва, погибла в день казни невинного Джека Тейлора. Но в этом мире ничто не кончается! Я о многом хотела бы поведать. Назвать имя своего убийцы, а также того, кто продолжил «зодиакальный цикл» преступлений спустя семьдесят лет... Однако, похоже, не только я вычислила маньяка из прошлого и его преемника в настоящем, ведь расследование ведет Айрин Мориарти, внучка моего любимого писателя...

© Леонтьев А. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Ирина Мельникофф	5
Марина Подгорная	16
Дана Хейли	34
Марина Подгорная	41
Ирина Мельникофф	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Антон Леонтьев

Еще один знак Зодиака

...Незнакомец смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался сшить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – несчастье... вечер – семь...» – и громко и радостно объявил: – Вам отрежут голову!
М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита.

– Как она умерла? Что было причиной?
Элизабет Темпл долго смотрела на кусты роз. Заговорив, она произнесла всего лишь одно слово, но оно прозвучало, как гулкий удар колокола:
– Любовь!
– Любовь? – эхом отозвалась мисс Марпл.
– Одно из самых страшных в мире слов, – ответила Элизабет Темпл и горьким, трагическим голосом добавила: – Любовь...
Агата Кристи. Немезида.
Пер. с англ. А. Креснина.

Жизнь – большой сюрприз. Не вижу, отчего бы смерти не быть еще большим.
Владимир Набоков. Бледное пламя.
Пер. с англ. С. Ильина и А. Глебовской.

Ирина Мельникофф

Я была убита в день казни Джека Тейлора, более известного под прозвищем «Зодиак». Это произошло 27 января 1940 года. Та суббота выдалась полной суматохи – ведь ни мой шеф Квентин Мориарти, известный автор детективных романов, ни я сама не сомневались в том, что Джек Тейлор невиновен. Однако в итоге несправедливый приговор был все равно приведен в исполнение.

Дело «Зодиака» наделало большого шума, хотя сейчас, наверное, о нем полностью забыли. А тогда весь Голливуд замер от ужаса, ожидая новой жертвы. Еще бы, ведь на совести того, кто убивал в соответствии со знаками Зодиака и отрезал жертвам головы, унося их с собой, было шесть кровавых преступлений.

В действительности же – восемь. Как минимум восемь: седьмой жертвой стал Джек Тейлор, которого присяжные, не колеблясь, признали виновным (они совещались неполных двадцать минут, и любой и каждый в зале суда знал, какой приговор они вынесут), а восьмой – я сама.

Да, «Зодиак» добрался и до меня, но не буду забегать вперед.

В тот январский день лил дождь. Страницы газет и журналов давно занимали совершенно иные, гораздо более грозные новости – в Европе шла война, в которую позднее оказалась втянута как моя первая родина (Россия), так и моя вторая (Америка). О «Зодиаке» люди забыли, что лишний раз доказывает, как недолговечна сенсация в подлунном мире, а в особенности – в долине «фабрики звезд», в Голливуде.

Впрочем, я несправедлива: газеты все же сообщили о предстоящей казни Джека Тейлора. Далеко не все, и многие – не на первой полосе (прошли времена, когда деяниям «Зодиака» уделялись передовицы всех изданий Америки – начиная от ведущих и заканчивая провинци-

альными листками). Но все же имя человека, дожидавшегося казни в федеральной тюрьме Лос-Анджелеса, по-прежнему навевало ужас.

Джек Тейлор, сорока шести лет, по профессии бухгалтер, помешанный на астрологии, хиромантии и ясновидении, был для всех воплощением зла. Его именовали «Джеком Потрошителем», сравнивая с так и не пойманным убийцей, творившим злодеяния в Лондоне в конце девятнадцатого века, и «Вулком Сердцеедом», монстром, совершавшим кровавые убийства в Экаресте, столице королевства Герцословакии, в начале века двадцатого.

Мистера Тейлора отличало от двух этих анонимных и крайне жестоких представителей человеческого расы, на совести которых было около двух десятков жизней, то, что, во-первых, он был пойман, а во-вторых, как я уже отмечала, был невиновен. Он заявлял об этом на процессе, но ему, конечно же, никто не поверил: улики были уж очень много. Чересчур много, как заметил мой шеф Квентин Мориарти. Будто кто-то старался во что бы то ни стало очернить мистера Тейлора и свалить на него вину за «зодиакальные» убийства.

Джек Тейлор, надо признать, был более чем подходящим кандидатом в жестокие убийцы: человек нелюдимый, он жил отшельником, сходил с ума по гороскопам, считая, что они определяют человеческую судьбу. Да и внешность у него была знаменательная – лысый костлявый череп, выпуклые водянистые глаза, длинные руки и неприятная, ввергающая в трепет улыбка. Да, тот, кто сделал Джека Тейлора «козлом отпущения», рассчитал верно – такой человек никогда и ни за что не вызовет сочувствия, ведь люди (а в особенности жители Голливуда) привыкли судить о собратях в первую очередь на основании их внешнего вида.

Насколько мне известно, со временем эта ужасная привычка (судить об окружающих на основании их внешности) приняла гораздо более уродливые и страшные формы. Как бы там ни было, для всех (даже для матери мистера Тейлора, бывшей супруги и его старшей сестры, которые не пожелали присутствовать на процессе и так ни разу и не посетили его в тюрьме) он был беспощадным и безжалостным маньяком, получившим по заслугам.

Для всех – кроме моего шефа Квентина и, разумеется, меня. На адвокатов Джека надежды не было – он зарабатывал не так уж много, чтобы позволить себе говорливых и умелых законников. Несколько из них вначале заинтересовались шумным делом «Зодиака», о котором докладывали даже за границей (убийства имели место в 1938 году, и Европа, находившаяся на пороге очередной войны, желала отвлечься от собственных неразрешимых проблем, а потому проявляла любопытство к заокеанским преступлениям), но никто из них так и не взялся представлять интересы Джека Тейлора. Ведь выиграть процесс шансов не было изначально. Да и заплатить весомый гонорар Джек был не в состоянии.

Неудивительно, что его признали виновным, а судья назначил высшую меру наказания – казнь на электрическом стуле. Квентин Мориарти и я, как могли, боролись за оправдание мистера Тейлора, однако что могли сделать два человека против системы? Мы помогли подать апелляцию, однако заранее понимали, что Джеку не позволят остаться в живых. Ведь в числе жертв «Зодиака» было несколько известных персон, и их родственники жаждали мести.

Я довольно часто посещала Джека в тюрьме. Вначале он был настроен решительно, желая бороться за свое оправдание, однако затем, после отклонения апелляции, сделался ко всему безразличным. Его охватила апатия. Похоже, мистер Тейлор смирился со своей участью. Он постоянно твердил о том, что в его гороскопе значилось – ему придется стать жертвой несправедливого судебного решения.

Так прошло немногим более года (приговор Джеку Тейлору был вынесен в самом конце 1939-го), и наступил день казни. Единственным человеком, который мог бы помиловать Джека, был губернатор штата. Квентин Мориарти, на тот момент – один из самых известных, если не самый известный автор детективов в Америке, вечный соперник Агаты Кристи, побывал в Белом доме на приеме у президента Рузвельта, который мог оказать давление на губернатора.

Однако президент так и не решился это сделать, сочтя, что ему ни к чему вмешиваться в работу судебного аппарата.

Помню, как Квентин позвонил мне из Вашингтона (я осталась в Лос-Анджелесе) и усталым голосом сообщил, что ему не удалось убедить президента. Поэтому все надежды возлагались на тогдашнего главу Калифорнии, однако все знали, что он не предпримет ничего, чтобы спасти Джека Тейлора.

Казнь была назначена на девять вечера. Всю ночь накануне я не могла сомкнуть глаз, представляя себе, что Джек Тейлор находится в крошечной камере смертников, абсолютно невиновный и беспомощный. Я размышляла о его судьбе, втайне надеясь, что очередное видение посетит меня (видения стали моими спутниками с юности). Но, пролежав почти всю ночь с открытыми глазами в постели, я так ничего и не увидела. К великому сожалению, не я определяла, когда и какие видения навесят меня, а они сами выбирали момент, зачастую крайне неподходящий, и, словно кадры из фильма, вспыхивали у меня в мозгу.

Когда я спустилась в столовую, то застала своего шефа и учителя Квентина Мориарти за кофе. Похоже, Квентин тоже плохо спал, наверняка размышляя о том, что пройдет всего лишь несколько часов, и невиновный будет казнен.

Квентин, откинув свежую газету (на первой полосе сообщалось о предстоящей казни «Зодиака») и не ответив на мое приветствие, проворчал:

– Подобное обычно бывает в моих романах! Но там осужденного в последнюю секунду, когда его уже тащат к электрическому стулу, спасают.

Я вспомнила первый роман Квентина Мориарти – «Смерть в музее восковых фигур». Именно в нём арестовывают невиновного, суд приговаривает его к смерти, и только благодаря титанической работе невесты осужденного и частного сыщика, профессора философии, удастся отыскать истинного злодея и спасти несчастного от экзекуции.

Завтракали мы молча – говорить было не о чем. Жизнь, как я убедилась уже давно, была не романом, в котором можно, по желанию автора или редактора, изменить печальный финал на «хэппи-энд».

– Он хочет, чтобы мы присутствовали во время приведения приговора в исполнение, – сообщил мне Квентин.

Я знала о последнем желании Джека Тейлора – у него не было ни единого друга, и он не хотел умирать, находясь среди врагов или тех, кто считает его виновным. Отложив булочку, я сказала:

– Я не смогу...

– Конечно же, ты сможешь! – заявил Квентин.

Я знала, что мой шеф умеет быть безапелляционным и частенько не считается с мнением окружающих. За те шесть лет работы у него секретаршей и помощницей я многому научилась. Для Квентина я стала дочерью – ведь его единственная дочь от первого брака умерла несколько лет назад (хотя он никогда не говорил об этом, и я случайно наткнулась на ее фотографию в старом семейном альбоме).

– Не исключено, что губернатор все же решит помиловать Джека, – продолжил Квентин, закуривая сигару.

Сидя в старинном кресле, в домашней вельветовой куртке, он являл собой образец великого писателя, романами которого зачитывались миллионы по всему миру – с ухоженной седой бородкой, пронизательными голубыми глазами и знаменитой сигарой, которая стала его неотъемлемым аксессуаром.

– Наверняка этого не произойдет, – вздохнув, возразила я. – Но шеф, вы должны что-то придумать! Вы же – самый известный писатель Америки! Вы создали двадцать два романа и более семидесяти рассказов!

– А также не забывай о четырех пьесах и шести радиопостановках, – горько усмехнулся Квентин. – Но именно это мне и мешает. Мои слова в защиту Джека никто не воспринимает всерьез. Все считают мои выступления прихотью знаменитого детективщика, спутавшего реальность с выдумкой. Или у тебя было видение, Ирина?

Я отрицательно качнула головой.

– В последнее время, шеф, их не было вообще. Как будто кто-то перекрыл кран. Как бы я хотела узнать, кто является истинным «Зодиак»!

Шеф выпустил в потолок облачко дыма:

– Обещаю тебе, что напишу об истории мистера Тейлора роман. Это – самое меньшее, что я могу сделать для него. Джек невиновен, как мы знаем, однако наше расследование не принесло результата. Ведь так?

Я признала правоту шефа – не доверяя полиции, мы самостоятельно пытались провести расследование, желая вычислить убийцу, именовавшего себя «Зодиак».

– Я отправлюсь на прием к губернатору, – сообщил шеф. – Попробую уговорить его перенести казнь на несколько недель или, лучше, месяцев. Если мы не справились с расследованием, то поручим его профессионалам. Денег у меня, слава богу, предостаточно, я могу нанять нескольких самых известных сыщиков.

Если Квентин принял решение, то разубедить его было невозможно. Он побывал на приеме у губернатора, но безрезультатно – тот заявил, что у него нет сомнений: убийцей по прозвищу Зодиак является Джек Тейлор. Поэтому нам не оставалось ничего иного, как отправиться под вечер в тюрьму, где намечалось приведение в исполнение смертного приговора.

Около мрачного здания толпились зеваки, некоторые держали в руках самодельные плакаты с надписями: «Поджарьте Зодиака на электрическом стуле» или «Мы требуем отрезать Джеку Тейлору голову, как он это делал со своими жертвами». Наверняка среди собравшихся были поклонники той самой кинозвезды, Патриции Дамор-Блок, которую «Зодиак» лишил жизни.

Ворота тюрьмы распахнулись, автомобиль, в котором мы находились, въехал во внутренний двор. Нас встречал лично начальник сего невеселого заведения. Подобострастно улыбаясь, он распахнул дверцу «Паккарда» и подал мне руку. Однако его внимание было сосредоточено, конечно же, на Квентине Мориарти. Еще бы, самый знаменитый писатель страны почтил визитом тюрьму!

– Мы так рады видеть вас, мистер Мориарти, – раздался его льстивый голос. – Прошу вас и вашу секретаршу проследовать за мной.

Мы оказались в здании тюрьмы. Я бывала здесь, и не раз, навещая Джека, ведь никто более не удостоивал его визитами. Директор вел себя так, как будто мы прибыли не для того, чтобы стать свидетелями казни, а находились на светском рауте. В своем кабинете он предложил нам кофе, а затем протянул Квентину книгу.

– Моя супруга и я – ваши самые восторженные почитатели, – произнес директор. – И мы будем очень рады, мистер Мориарти, если вы подпишете для нас экземпляр вашего нового романа. Как вы все закрутили! Ни за что бы не догадался, кто убийца, если бы не подсмотрел в конце книги.

Квентин поморщился (он как-то заявил, что нетерпеливых читателей, жадно пролистывающих последние страницы, дойдя лишь до середины романа, но желая утолить собственное любопытство, надобно отправлять на каторгу), однако милостиво начертил несколько слов и расписался.

– Отлично, – выхватывая книгу с автографом моего шефа, заявил директор. – Мистер Мориарти, вы в самом деле хотите увидеть Джека Тейлора?

– Да, – ответил Квентин. – Ведь он – невиновен!

Директор снисходительно посмотрел на шефа (его взгляд, казалось, говорил: «Ты, может быть, и всемирно известный писатель, однако лопух, раз поверил заверениям о собственной невинности кровавого убийцы») и, понизив голос, произнес:

– Мистер Мориарти, скажите, а чья это была идея?

– Что вы имеете в виду? – подозрительно спросил мой шеф.

– Ну, идея со всем этим спектаклем, – пояснил директор. – Вы защищаете Зодиака, пытаетесь доказать, что Джек Тейлор невиновен, и так далее. Ваша собственная или вашего издателя? Да вы не стесняйтесь, можете сказать мне правду. Это ведь увеличило вашу славу, тиражи и соответственно гонорары? Ловкий трюк!

Я заметила, как шеф побледнел. Сейчас грянет буря! Но Квентин сдержался и ответил:

– Моя позиция отнюдь не рекламный ход. Или вы думаете, что я готов ради собственной прибыли играть человеческой жизнью?

Судя по хитрому выражению лица директора тюрьмы, тот в подобном не сомневался. Квентин поднялся со стула и громогласно произнес:

– Благодарю вас за кофе, господин директор...

Понимая, что шеф еле владеет собой, я пришла ему на помощь, сменив тему:

– Господин директор, думаю, Джек уже ждет нас. Не сообразоволи ли проводить нас к нему?

– Вы – единственные, кто пожелал увидеть «Зодиака» в день его казни, – усмехнулся директор.

Мы прошествовали по длинным коридорам и очутились наконец в блоке, где содержались приговоренные к смерти. Джек в самом деле ждал нас. Он поднялся с застеленной кровати, на которой лежала Библия. Я заметила слезы в его глазах.

– Мисс Ирина, я не хочу умирать, – произнес он тихо. – Пожалуйста, сделайте так, чтобы меня помиловали!

Мое сердце разрывалось от его слов, но я знала: мы бессильны. Не помню точно, о чем мы говорили. Собственно, о чем можно говорить с человеком, которому осталось жить всего три часа? Джек передал мне два письма, адресованные матери, сестре и бывшей жене с крошечной дочкой, и я заверила его, что они получат их (передать я их так и не смогла, ведь в тот день, как я отметила в самом начале моего повествования, меня убили).

– Я так благодарен вам, – произнес Джек Тейлор. – Вы верите в то, что я невиновен. Но такова моя судьба – я родился под знаком Рыб, и на мою долю должно было выпасть много несчастий.

Несчастный завел разговор о том, что его увлекало – гороскопах и том, как звезды управляют нашей судьбой. Ему требовалось отвлечься и забыться, но как может отвлечься и забыться человек, который знает: всего в нескольких десятках метров находится электрический стул, на котором ему предстоит умереть меньше чем через три часа?

– Они сказали мне, что больно не будет, – произнес Джек. – Но нередки случаи, когда смерть наступает не сразу, и приходится дать еще один разряд...

Он вещал об ужасных вещах, как о чем-то вполне обыденном и привычном. Что может быть ужаснее, чем ожидать собственную смерть? Впрочем, это чувство довелось испытать не только Джеку Тейлору, но и мне самой. Я ведь тоже оказалась однажды в подобной ситуации. Несколько ранее. Но тогда мне сказочно повезло – меня спас мой будущий шеф Квентин Мориарти.

Время нашего визита истекло. Я заметила большой циферблат, на котором стрелки неумолимо приближались к половине восьмого. Джеку предстояло получить последний ужин и увидеться со священником. Мой шеф, похлопав Джека по плечу, вышел из камеры. Я же задержалась – Джек никак не хотел отпускать меня. Видимо, я была для него тем, в ком он черпал силы и на кого возлагал надежды. Его длинные бледные пальцы коснулись моей руки.

Любой на моем месте оттолкнул бы Джека Тейлора и отшатнулся с гримасой отвращения на лице, но я видела в нем не кровавого убийцу, а обыкновенного человека.

– Хотите, я предскажу вам судьбу, мисс Ирина? – спросил он и, не дожидаясь ответа, повернул мою руку ладонью вверх. – А потом вы можете уйдете.

Разве я могла отказать ему? Джек вперил взгляд выпуклых глаз в переплетение линий на моей ладони, желтый ноготь коснулся кожи. Внезапно Джек сипло вскрикнул и оттолкнул меня.

– Он убьет и вас! – затрясся он. – Боже, мисс Ирина, он убьет и вас!

В камеру ворвались два надзирателя, привлеченные криками Джека. Наверняка они получили распоряжение внимательно следить за ним.

Я вышла из камеры. До меня доносились крики Джека:

– «Зодиак»! Он доберется и до вас! Вы станете его новой жертвой, мисс Ирина! Берегитесь, умоляю вас!

Мой шеф курил сигару, подле него стоял директор, лицо которого выражало притворное прискорбие.

– Не обращайтесь внимания на то, что он вопит, – произнес директор, однако я заметила, что угрозы в мой адрес доставляли ему удовольствие. – Многие из осужденных на смерть теряют присутствие духа незадолго до приведения приговора в исполнение, хотя до этого вроде бы вели себя вполне адекватно.

В камеру залетел тюремный врач с черным чемоданчиком, спустя минуту крики Джека стихли.

– Ему ввели успокаивающее, – пояснил директор тюрьмы. – В некоторых случаях приходится прибегать к помощи медикаментов, чтобы унять особо буйных. А теперь я приглашаю вас на ужин.

Я отказалась, так как знала, что кусок мне в горло не полезет. Да и что могло быть более циничным, чем спокойно вкушать еду, а потом отправиться в зал, где будет казнен Джек? Его крики стояли у меня в ушах. Что сделал бы на моем месте любой другой? Наплевал на последние слова Джека. Но только не я!

В этом мире, как я знала, много загадок. Одна из них – те самые видения, что навещают меня время от времени. Некоторые называют их пророческими. Джек же верил в астрологию и хиромантию. И, как я убедилась, многие его предсказания соответствовали истине. Может быть, гороскопы тоже не обманывают?

Я знала, что Джек никогда бы не стал угрожать мне или запугивать, заявляя, что «Зодиак» доберется и до меня. Я устояла на свою ладонь, однако линии ничего мне не говорили. Откуда он взял, что и мне грозит опасность?

– Забудь об этих глупостях! – услышала я голос шефа и, подняв взгляд, увидела перед собой великого Квентина Мориарти. – Несчастный понял, что спасения нет, и решил досадить тебе, заявив, что ты станешь следующей жертвой «Зодиака».

– Но откуда мы знаем, что этого не произойдет? – медленно спросила я.

Я никогда не верила в то, что судьбой, Богом или звездами нам заранее что-либо предначертано. Да, у меня бывали видения, однако они не имели ничего общего с «разговорами с духами» или с так называемыми предсказаниями – секундные картинки того, что произошло или произойдет. Ученые не располагали ответом на вопрос, какова природа этих видений.

– Я никому не позволю отнять тебя у меня, – заявил твердо Квентин, я и знала, что его слова – чистая правда. – А сейчас нам пора. До казни осталось совсем немного.

Нас отвели в помещение, в котором приводились в исполнение смертные приговоры. Оно оказалось небольшим (а мне всегда казалось, что это должен быть бесконечный зал) помещением, выложенным красно-сизой плиткой. Электрический стул стоял у стены – я старалась не смотреть в ту сторону. Примерно в пяти метрах от орудия казни находилось несколько рядов

стульев. Для зрителей. Как будто мы присутствовали не на казни, а находились в камерном театре! Помимо представителей прокуратуры здесь находились несколько журналистов и так называемых независимых свидетелей, которые должны были подтвердить факт смерти Джека Тейлора.

Мы с Квентином заняли места в последнем ряду. Затем вошел инспектор Кронин, рас пространяя, как всегда, никотиновое амбре. Он сделал вид, что не заметил нас. Наконец появился директор в сопровождении надзирателей, а затем в помещение ввели и Джека, под держиваемого с обеих сторон охранниками.

Не знаю, чем его накачал тюремный врач, но Джек производил впечатление невменяе-мого. Рот его был приоткрыт, с губ капала прозрачная слюна. Джек был лыс, иначе бы его выбрили, чтобы лучше закрепить электроды на голове.

Директор проинформировал всех присутствующих о том, что сегодня, 27 января 1940 года, будет приведен в исполнение смертный приговор в отношении Джека Тейлора. Того, о ком шла речь, тем временем усадили на электрический стул (он был вовсе не железным, как рисовался в моем представлении, а по большей части деревянным), закрепили руки, ноги и шею особыми скобами. Один из надзирателей протер череп Джека мокрой тряпкой, а затем на голову несчастного, с лицом, скрытым под черной маской, надели металлическую полусферу.

Двое надзирателей скрылись за ширмой, где находились рычаги, подававшие электриче-ство. Внимание всех присутствующих было приковано к перемещавшейся секундной стрелке часов, под которыми висели два больших черных телефонных аппарата. Все знали, что губер-натор не позвонит и не помилует Джека, однако я тем не менее ждала: вот-вот раздастся трель, и директор объявит о том, что смерть заменена пожизненным заключением.

– Мистер Тейлор, – обратился к Джеку директор, – желаете ли вы что-либо сказать напоследок?

Джек уставился на директора мутными глазами и невнятно пробормотал что-то. Никто из присутствовавших не разобрал его слов. Директор попросил Джека повторить еще раз, и громче.

– Я невиновен! – донесся до меня его хриплый голос. – Я невиновен! «Зодиак» убьет ее... Он убьет ее! Я это увидел у нее на руке!

Секундная стрелка достигла верхнего деления, вместе с ней передвинулись минутная и часовая стрелки: было ровно девять. Директор последний раз взглянул на молчавшие теле-фоны, затем обвел взглядом нас, зрителей варварского спектакля, и кивнул.

Его кивок означал одно – смерть Джека Тейлора. Раздался щелчок – один из надзирате-лей повернул рычаг. Тотчас послышался странный гул, сопровождающийся стонами, которые, впрочем, быстро утихли. Я вцепилась в руку Квентина, сидевшего рядом со мной, и закрыла глаза.

...Девушка! На промерзшей земле, голая. Ее лицо и тело изуродованы – покрыты поре-зами и ранами. А шею пересекает ужасный шрам. Она – жертва убийства...

Видение пришло ниоткуда, как это обычно и бывало. На мгновение я забыла обо всем, что происходит рядом.

...Я оказалась где-то в лесу. Голые черные деревья, следы. Я склонилась над девушкой. Кто она, почему я увидела ее именно сейчас? Еще одна жертва «Зодиака»? На вид девушке – двадцать с небольшим, хотя сказать точно из-за ран, покрывающих лицо, сложно. У нее чудесные длинные светлые волосы. Она лежит в неестественной позе, как будто кто-то бросил ее здесь, словно сломанную куклу, словно ненужный манекен...

Я открыла глаза и услышала тревожный голос Квентина:

– Ирина, с тобой все в порядке? Ты так бледна!

Снова слышался звук опускаемого рычага, по приказу директора подали второй, более мощный разряд. Тело Джека затряслось. Я прикрыла веки – и видение, необычайно сильное (такого у меня, похоже, еще ни разу не было) снова утянуло меня.

...Я чувствовала, что нахожусь в том лесу, где лежало обнаженное тело убитой девушки. Мне было холодно, ведь на дворе стояла зима. Я внимательно рассмотрела жертву. Ее одежда, небрежно сорванная кем-то, валялась неподалеку. Мое внимание привлекла правая рука девушки. Что-то сверкнуло в лучах полуденного солнца. Я склонилась над телом. Браслет!

Внезапно девушка открыла глаза, я отпрянула. Мертвая попыталась подняться, из ее горла, кем-то перерезанного, вырывались звуки. Она хотела что-то сказать! Боже, такого со мной еще ни разу не было...

Я пришла в себя от резкого запаха. Открыв глаза, увидела тюремного доктора, который совал мне под нос ватку, пропитанную нашатырем. Бледный Квентин склонился надо мной.

– Она пришла в себя! – констатировал врач и, обращаясь ко мне, пояснил: – Мисс, вы потеряли сознание в комнате для экзекуций. Еще бы, казнь на электрическом стуле – зрелище не для слабонервных.

– Что с Джеком? – спросила я.

– Он умер, как того и следовало ожидать, – сообщил врач. – Не волнуйтесь, все прошло. Вы ведь ничего не ели? Вам необходимо подкрепиться!

В голове у меня шумело, ноги не слушались, тело было как свинцом налитое. Меня довели до автомобиля, Квентин бережно усадил меня на заднее сиденье и прикрыл ноги пледом. Как чертик из табакерки, возник инспектор Кронин – как всегда, с трубкой в руке, распространяя удушливый запах табака.

– Ну что, ваши надежды пошли прахом? «Зодиак» получил по заслугам! – заявил он с нескрываемым торжеством в голосе.

Мне внезапно показалось, что инспектор Кронин прямо-таки рад смерти Джека Тейлора. Шеф сухо попросил инспектора оставить нас. Тот, ухмыляясь и дымя трубкой, удалился.

– Я знал, что тебе не надо присутствовать на казни, – заявил Квентин, заводя мотор. – Этот ужасный спектакль лишний раз утвердил меня в мысли, что смертная казнь – архаический обычай, который требуется как можно быстрее отменить.

– У меня было видение, – сказала я тихо.

– В момент казни Джека? И ты теперь знаешь, как нам найти «Зодиака»?

– Нет, – ответила я и поведала Квентину о мертвой девушке.

Выслушав меня, шеф сказал:

– Крайне интересная история, Ирина. Но каким образом она связана с «Зодиаком»? Девушка с браслетом – его первая жертва? Или, наоборот, жертва новая?

– Не знаю, – ответила я честно – Но у меня такое чувство, что ее смерть имеет самое непосредственное отношение к «Зодиaku» и его преступлениям. Если мы узнаем, кто она такая, та девушка, мы нападем на его след, я уверена.

– Узнаем, но чуть позже, – заявил безапелляционно Квентин, – ибо я не хочу, чтобы ты сейчас принималась за расследование нового убийства.

Мы вернулись домой, Квентин помог мне покинуть «Паккард». Слабость прошла, в голове прояснилось. Мой шеф приготовил на скорую руку яичницу с беконом и заставил меня съесть ее.

– Так-то лучше, – сказал он. – А теперь ты должна отдохнуть! Сегодняшний день был для тебя очень тяжелым.

– Для Джека Тейлора он был последним, – сказала я и отправилась к себе в спальню.

Внезапная усталость охватила меня. Открыв кран и напуская в ванну воду, я уселась на край и задумалась.

...И вот я снова в лесу. Ко мне тянется рука мертвой девушки. Она не причинит мне зла, мне не стоит ее бояться. Браслет, вот что она хочет показать мне! Серебряные диски, позвякивая, качаются на легком ветру. Их всего тринадцать. на дисках изображены искусно выполненные ювелиром знаки Зодиака. Но почему их тринадцать, а не двенадцать? Ведь знаков Зодиака ровно дюжина! Из горла покойницы вырывается сиплый звук, и я наконец разбираю то, что она силится все время сказать мне: «Джилда...»

Я открыла глаза. Вода дошла до самого края ванны. Повернув кран, я выбежала из ванной комнаты и, спустившись, ворвалась в кабинет Квентина.

Мой шеф сидел за массивным письменным столом, заваленным бумагами (Квентин, несмотря на мои старания, не уделял большого внимания порядку, предпочитая творческий хаос), и что-то быстро писал. Завидев меня, он в удивлении вскинул брови и, откладывая в сторону карандаш (все записи он делал синим или зеленым карандашом), спросил:

– Ирина, дорогая моя, отчего ты не отдыхаешь?

– Она снова явилась мне! – простонала я и без сил опустилась в большое кожаное кресло.

Мой шеф, встрепенувшись, подошел ко мне и в волнении произнес:

– Ирина, да ты вся дрожишь! Скажи мне, в чем дело?

Я действительно дрожала, но не от холода (в кабинете Квентина пылал камин), а от ужаса.

– Мы должны узнать, кто такая девушка, которую, вероятнее всего, зовут Джилда, – заявила я и поведала шефу о своем новом видении.

Я окончила рассказ. Квентин, куря сигару и вышагивая по персидскому ковру, устланному пол кабинета, обмозговывал ситуацию. Много раз я видела его расхаживающим по кабинету, и это всегда значило, что он обдумывает очередной роман, рассказ или пьесу и принимает решение относительно того, как следует повернуть сюжет и кого из персонажей сделать убийцей.

Наконец Квентин остановился и внимательно посмотрел на меня. Я поняла: он принял окончательное решение.

– Нам не обойтись без инспектора Кронина, – сказал он.

Я не сдержала вздох разочарования. Инспектор Лайонел Кронин вел расследование по делу «Зодиака». Он считался одним из лучших полицейских Лос-Анджелеса, однако характер у него был далеко не сахарный. Мне много раз приходилось убеждаться в этом.

– Но ведь он не сомневается в виновности Джека, – возразила я. – И, кроме того, считает мои видения глупостью и выдумкой.

– Ему вовсе не обязательно знать о том, что ты увидела. Однако ты права – мы должны найти девушку. Тем более что имя ее известно – Джилда. У нее имелся браслет с крошечными серебряными дисками, на которых изображены знаки Зодиака, и это значительно облегчит поиски. Наверняка в полицейском архиве имеется соответствующее дело.

Я облегченно вздохнула и поняла, что иметь в шефах известного писателя детективных романов подобно подарку небес. Квентин, как обычно, разложит все по полочкам и докопается до истины. Ужасно жаль, что видение пришло ко мне в момент казни Джека, а не раньше. Ведь если мы наконец-то сумеем напасть на след истинного «Зодиака», то несчастного к жизни все равно не вернуть. Он станет, пожалуй, наиболее известной жертвой судебной ошибки.

Квентин поднял трубку телефона и коротко переговорил с инспектором Крониным.

– Он не проявил особенного энтузиазма, однако встретится со мной в управлении, – сказал Квентин. – Кронин, как ты знаешь, фанатик, если речь идет о раскрытии преступлений.

– По-моему, инспектор не умеет прислушиваться к точке зрения других и, считая кого-либо убийцей, никогда не откажется от своего мнения, – сказала я.

Увидев, что я поднимаюсь из кресла, Квентин строго произнес:

– О том, чтобы ты покидала дом, не может быть и речи! Тебе необходим покой, дорогая моя. И не смей спорить, все равно я не возьму тебя с собой к инспектору. Но ты узнаешь обо всем, что нам удастся найти в архиве, я тебе обещаю.

К моему великому сожалению, Квентин отправился на встречу с инспектором один. А перед уходом посетовал на то, что миссис Ли, приходящая экономка, не может остаться со мной. Однако я заверила, что не маленькая девочка и сиделка мне не требуется.

Квентин уселся в «Паккард» и, помахав мне на прощание рукой, успокоил, сказав, что постарается вернуться как можно быстрее. Я вернулась в дом: часы показывали пять минут двенадцатого. Я и не подозревала, что разговаривала с шефом в последний раз в своей жизни.

Примерно через двадцать или тридцать минут (я дремала в кресле) пронзительная трель телефонного звонка пререзала тишину, окутавшую большой особняк Квентина Мориарти. Я была в плену странного сна. Что-то не давало мне покоя, скорее всего, новое видение. Джильда... «Пурпурная орхидея»... Ну конечно же!

Я встрепелась и схватила трубку аппарата, стоявшего на журнальном столике. Думала, что звонит мой шеф, однако это оказался инспектор Кронин. Я не сразу узнала голос инспектора – он звучал глухо и совсем не походил на обычный тон полицейского. И решила не говорить ему о своем открытии.

– Эти чертовы телефоны так искажают голос! – воскликнул инспектор. – Но к делу: нам требуется ваше присутствие, мисс. Мистер Мориарти сейчас не может говорить, он в архиве, но он просил передать вам, что мы наткнулись на кое-что чрезвычайно интересное. Похоже, вы правы – «Зодиак» все еще на свободе!

Мое сердце забилося так сильно, что я испугалась – не выскочит ли оно из груди. Дрему как рукой сняло, и я с готовностью сообщила:

– Я сейчас же отправлюсь к вам...

– Мы покинем управление, чтобы отправиться по горячему следу, – перебил меня инспектор. И я еще раз подивилась тому, как незнакомо и странно звучит его голос. Не представясь звонивший инспектором Крониным, я бы ни за что не угадала, с кем говорю. Да, инспектор прав: аппараты очень сильно искажают голос. – Поэтому возьмите такси, мисс, и отправляйтесь по следующему адресу. У вас найдется самописка и блокнот?

Он продиктовал мне адрес (окраина Голливуда, где располагаются виллы давно забытых звезд эпохи немого кино), а я заверила, что постараюсь прибыть туда как можно быстрее. Такси, вызванное мной, не заставило себя долго ждать. Я заняла место в автомобиле и, сообщив адрес, попыталась угадать, что же узнали шеф и инспектор Кронин. Наверняка выяснили, кем является убитая девушка. Или, возможно, решили осмотреть место, где было обнаружено ее тело? Во всяком случае, они приоткрыли занавесу тайны!

Мы были на месте без десяти двенадцать. Я заверила таксиста, что ждать не требуется и, расплатившись, отпустила его. Он высадил меня около неухоженной виллы, в которой, создавалось такое впечатление, никто не жил. Подобных в этом уголке Голливуда предостаточно – хозяева или обитали за границей, или запирались в собственных дворцах, стараясь вернуть безвозвратно ушедшие времена.

Ни Квентина, ни инспектора не было видно. Но Кронин сказал, что они будут ждать меня! Наверное, их что-то задержало, и они вот-вот появятся, успокаивала я себя.

Легкий туман окутывал все вокруг. Запахнув мантию, я подошла к воротам виллы. Нет ни таблички с именем, ни почтового ящика. Внезапно я услышала, как неподалеку треснул сучок.

– Инспектор Кронин? – спросила я пугливо.

Ответа не последовало. Нет, они бы ни за что не стали так пугать меня! Вдруг мне пришла простая и ужасная мысль – отчего я решила, что говорила по телефону с инспектором? Кажется, подобный трюк применил в одном из романов Квентина коварный убийца (произведение называлось «Полночь уже не наступит», одно из моих любимых). Там, в финале, пре-

ступник, понимая, что его разоблачили, выманивает отважную молодую журналистку посредством звонка, имитируя голос частного детектива, которому она помогает, и затем пытается убить. Только в самый последний момент героиню спасают, а убийцу хватают с поличным.

Но романы, как я хорошо знала, далеко не всегда копируют жизнь. В любом криминальном произведении невинно осужденный никогда бы не был казнен на электрическом стуле, а тем вечером произошло именно это.

Я еще раз позвала Квентина и инспектора, но мне никто не ответил. И тут вдруг показалась темная фигура, надвигавшаяся на меня из тумана. Я тихо вскрикнула и бросилась бежать. Тяжелое дыхание и топот за моей спиной свидетельствовали о том, что преследователь не желает сдаваться.

Он нагнал меня за поворотом – я поскользнулась и, вывихнув ногу, упала. Тот, кто мчался за мной, приблизился. Я не видела его лица, однако заметила в руках этого типа веревку.

– Ты и есть «Зодиак»! – воскликнула я. – Я тебя нашла! Ты не посмеешь причинить мне вред, потому что мои друзья, писатель Квентин Мориарти и инспектор Лайонел Кронин, уже на пути сюда. Да вот же они!

Но мой нехитрый трюк не произвел на убийцу никакого впечатления. Я попыталась подняться на ноги, но у меня не получилось. Тогда я поползла на четвереньках прочь, моля об одном: чтобы все, что со мной происходит, оказалось видением.

Но то было правдой. Мне не удалось далеко уйти. Убийца накинул мне веревку на шею. В глазах потемнело, в ушах зазвенело. Мне вспомнились слова Джека Тейлора – ведь он был уверен, что «Зодиак» доберется и до меня.

Но кто же такой этот монстр? Из последних сил я сумела повернуться – мне хотелось взглянуть в лицо маньяка. Он был в длинном черном пальто с поднятым воротником и в шляпе, нахлобученной на лоб. Я впиалась зубами в ладонь убийцы, затянутую кожаной перчаткой – «Зодиак» (у меня не было никаких сомнений в том, что я имею дело со знаменитым убийцей) болезненно вскрикнул и на мгновение выпустил меня. И тогда я сорвала с него шляпу.

Месяц, вышедший в то мгновение из-за туч, осветил лицо «Зодиака». Я охнула и, не удержав равновесия, полетела на землю.

«Зодиак» тем временем извлек из кармана пальто длинный нож (наверняка тот, при помощи которого он отрезал своим жертвам головы) и склонился надо мной.

Я знала, что спасения не будет. «Зодиак» размахнулся, стальной клинок сверкнул нестерпимо ярко в свете месяца – и через секунду я была мертва. Но «Зодиак» продолжал с остервенением наносить удар за ударом даже после того, как жизнь покинула мое брренное тело.

А минутой позже начался новый день, который, впрочем, мне не было суждено застать. Ведь я умерла в день казни Джека Тейлора, известного людям под прозвищем «Зодиак». И только я знаю, кто является настоящим «Зодиак», однако поведать об этом никому не могу. Считается, что мертвые молчат. Но это не так, потому что смерть не есть конец. Она – только начало. Поэтому я и веду свой рассказ...

Марина Подгорная

– Марина!

– Я встрепелулась, как собака.

– Марина!

Я сорвалась с места и бросилась бежать.

– Марина, черт тебя подери, где же ты?

Капризный голос моей хозяйки, Валерии Артуровны Свентицкой, разносился по всему второму этажу ее подмосковного особняка, который она предпочитала именовать виллой.

Приблизившись к двери, я почтительно постучала – не дай бог вторгнуться в святая святых одной из самых известных российских писательниц (почитающей себя, вне всякого сомнения, самой известной и, конечно же, самой одаренной) без стука. Даже если мадам Свентицкая и зовет меня, надрывая горло, это не значит, что я могу входить в ее будуар, не испросив разрешения.

– Где же ты? – вновь послышался капризный голос Валерии Артуровны. – Что, заснула? Или в сортире засиделась?

Нацепив сладкую улыбку, я вошла в будуар. Мадам Свентицкая подобно Джомолунгме нависла над огромным чемоданом, наполовину заполненным ее вещами. Похоже, она все-таки решила воспользоваться моей помощью.

Валерия Артуровна грозно посмотрела на меня и изрекла:

– Дорогая, советую тебе регулярно чистить уши. В следующий раз, если заставишь меня ждать, придется вычесть из твоей зарплаты значительную сумму в качестве штрафа.

Мадам, отметила я, была в плохом настроении. Впрочем, я работала на Леру уже почти три года (мои предшественницы не задерживались больше пары месяцев) и прекрасно изучила все ее капризы. В том, что она может урезать мне зарплату, я не сомневалась. Мадам Свентицкая получала, по официальной информации, в год не меньше миллиона долларов, а по моей собственной – примерно в два раза больше, однако была патологически жадна. Видимо, сказывалось неискоренимое наследие тяжелого прошлого, когда она работала завучем в провинциальном ПТУ.

Лера пихнула изящной туфелькой чемодан и, подойдя к трюмо, извлекла из изящного золоченого ящичка изящную сигарету и не менее изящно раскурила ее. Мадам Свентицкая была в курсе, что я не выношу табачного дыма, однако ей доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие дымить в моем присутствии. Вот и сейчас она подошла ближе и, пустив прямо мне в лицо облачко дыма, заявила:

– Ты, дорогуша, моя личная секретарша, соответственно, в твои обязанности входит и подготовка моего американского турне. Так что займись этим, и побыстрее!

Я уныло уставилась в спину мадам Свентицкой, вышедшей из будуара, а затем опустилась на обтянутый розовым плюшем пуф (вкус моей хозяйки остался плебейским, несмотря на миллионные заработки, или наоборот, вследствие этого). Итак, мне велено собрать один из ее пяти (или даже семи) чемоданов, которые Лера возьмет с собой в Штаты, куда мы отправимся меньше чем через двадцать четыре часа.

Я выудила из недр необъятного чемодана кружевной красный бюстгальтер и, хихикнув, представила себе мадам Свентицкую в оном (без того представлять себе хозяйку мне запретило чувство прекрасного). И зачем старая каракатица берет с собой его – решила соблазнить своими дряблыми писательскими телесами парочку смазливых молодых актеров? Далее я наткнулась на несколько книг Леры (она любит перечитывать себя на досуге, восторгаясь собственной гениальностью) и на нечто большое, желтое и продолговатое, оказавшееся... вибратором. Отбросив с визгом последнюю находку, я уселась на пуф и задумалась о своей кош-

марной участи. За что меня так наказали боги? Наверное, в прошлой жизни я слишком много нагрешила. К счастью, я знала, что долго заниматься укладкой вещей мне все равно не грозит – Лера, которая была помешана на гороскопах, была по знаку Зодиака Львицей, и постоянно заявляла, что это созвездие императриц и королей, но копать в своих вещах она никому не позволяла.

Она и была императрицей российской беллетристики. Валерия Артуровна Свентицкая, сорока восьми лет от роду (она не любила, чтобы о ее возрасте говорили, предпочитала даже в официальных анкетах опускать год рождения) – королева криминальных разборок, царица убийств на почве страсти, инфанта подлых замыслов и великая герцогиня запутанных любовных линий.

Я как-то на досуге пыталась осилить один из опусов моей хозяйки, но, одолев около ста страниц, решила, что, несмотря на большое количество трупов, обездоленных секретарш, влюбленных олигархов и романтических милиционеров-бардов, смысла в ее произведении ни на грош. Об этом я, конечно же, Лере сообщать не стала, а напротив, рассыпалась в благодарностях, получив от нее очередной роман с дарственной подписью, кои складировать в своей комнате под кроватью.

Вот уже без малого пятнадцать лет мадам Свентицкая выдавала бестселлеры, большая часть которых была экранизирована, и завоевала в рекордно короткие сроки сердца миллионов поклонников, а по большей части – поклонниц. Она умело смешивала коктейль из классического детектива (главный вопрос – «Кто убил старую тетюшку?»), любовного романа (главный вопрос – «Почему он любит не меня, а эту длинноногую дылду-манекенщицу?») и романтического повествования, приправленного пикантными эротико-порнографическими деталями и налетом новорусской экзотики (главный вопрос – «Дорогая, ты хочешь стать женой миллиардера?»), разбавляя их в последнее время доморощенной философией (главный вопрос – «Отчего так тяжело живется на свете, если у тебя имеется счет с семью нулями в швейцарском банке?»).

Раньше мадам Свентицкая, имевшая педагогическое образование, работала завучем в замшелом ПТУ не то в Вологде, не то в Воронеже, однако этот этап ее жизни остался в далеком прошлом. Уже много лет она проживала в Москве, где у нее имелась квартира-ателье на Арбате, офис на Патриарших прудах, а с недавнего времени ещё и особняк (о, пардон, вилла!) в окрестностях столицы. Мадам Свентицкая постоянно мелькала на телевидении, присутствуя во всех ток-шоу, какие только существуют, одно время и сама вела передачу, бесславно приказавшую долго жить, по мере своих скромных сил принимала участие в светской жизни, являясь активным членом богемной тусовки, и весьма усердно тратила свои миллионы.

Со своим мужем (кажется, третьим) она развелась вскоре после того, как ее романы начали приносить большие деньги, и была организована шумная кампания в желтой прессе о том, как плохо живется несчастной писательнице-миллионерше, которую оставил муж-козел. Детей у Леры не было, но она как-то в минуту откровенности призналась, что она никогда и не печалилась по данному поводу. Зато у нее имелось предостаточное количество «бойфрендов», которые были, как минимум, лет на пятнадцать, а то и добрых двадцать пять моложе Валерии Артуровны.

Да и Валерией Артуровной Свентицкой она стала, выпустив свою третью книгу, принесшую ей прорыв – до этого она звалась Людмилой Анатольевной Скориковой, что, по справедливому мнению издателей, было слишком пресно. Так завуч ПТУ и превратилась в примадонну российской беллетристики.

Лера получила немыслимое количество премий и призов, ее книги выходили умопомрачительными тиражами. У последних, однако, тираж был не тот, что раньше – пик славы мадам Свентицкой уже прошел, однако она не желала говорить на подобную смехотворную тему. Её произведения имели даже некоторый (весьма, правда, скромный) успех за границей.

Однако около года назад появилась небывалая новость (о ней даже сообщили по Первому каналу): к двум романам моей хозяйки проявил интерес Голливуд. Вначале я думала, что это «утка», запущенная с легкой руки пиар-отдела издательства, печатавшего труды мадам Свентицкой, цель которой – устроить скандал вокруг имени писательницы, чьи тиражи начали падать. Но выяснилось, что кое-кто в Америке действительно пожелал приобрести права на две книги Валерии Артуровны.

Тотчас заработала машина слухов – назывались необычайные суммы гонорара, которые платила могущественная американская киностудия за переделку книг в сценарий. Знатоки уверяли, что действие фильма будет перенесено из России в США и Европу, а на главные роли прочили Кэтрин Зету-Джонс и Колина Фаррела. Мадам Свентицкая наслаждалась всеобщим вниманием. Ну а когда ей лично приглашение от киностудии все же не поступило, Лера решила сама слетать в Америку, благо, у нее имелся вид на жительство в США (спасибо пентхаузу в Майами, купленному с гонораров!).

Мне как секретарше мадам Свентицкой было известно, что права на экранизацию куплены малоизвестным американским телеканалом, и что гонорар, выплаченный моей хозяйке, никак нельзя назвать заоблачным. Из ее книг планировали сделать мини-сериал для «внутреннего потребления», и участие суперзвезд, как и звезд вообще, в нем не планировалось.

Конечно, Валерия Артуровна не хотела и слышать о подобных мелочах. А поездку в Америку представляла всем как безусловный триумф своего творчества за океаном.

Этим-то и объяснялся бедлам на подмосковной вилле. Я уныло перебирала нижнее белье мадам Свентицкой, когда она появилась и милостиво изрекла:

– Так и быть, Марина, я тебя прощаю! Хотя запомни, более такого беспардонного поведения с твоей стороны я не потерплю.

Сие означало, что я обрела свободу и могла покинуть будуар мадам Свентицкой – она решила укладывать чемодан со своими трусами и лифчиками собственноручно. Мне же было велено в который раз проверить все бумаги и документы, связаться с издательством и Голливудом, распространить пресс-релиз, ответить на письма... и так далее, и тому подобное.

Валерия Артуровна Свентицкая, надо признать, умела довести до белого каления, и иногда (только иногда!) я мечтала о том, чтобы она упала с лестницы и свернула шею. Но её смерть хоть и принесла бы мне избавление от многих проблем, но означала бы и потерю стабильного заработка. Что мне вовсе не улыбалось.

Я, Марина Подгорная, оказалась в секретаршах великой писательницы случайно. Получив два высших образования, лингвистическое и экономическое (не считая театрального училища на заре моей туманной и, увы, такой далекой юности), я была готова принять ответственный пост в какой-либо крупной фирме, но, как на грех, мои таланты никому не требовались. Какое-то время я пыталась блистать в малоизвестном молодежном театре (однако, чтобы стать примой, требовалось спать с главрежем, и я, рады карьеры новой Сары Бернар, вероятно, поступила бы девичьей честью, но этот толстопузый подлец ничего подобного мне и не предлагал!), подрабатывала на радио, специализируясь в области рекламы, затем ушла на телевидение (пятый заместитель десятого помощника главного вице), а оттуда перекочевала в издательство – в отдел рекламы и стратегического планирования. Именно в то издательство, где и выходили книги Валерии Свентицкой. Я отвечала в том числе за проект продвижения этого брэнда, и мне приходилось тесно работать с мадам Свентицкой, организовывая для нее интервью-термины, фотошутинги, автограф-сессии и промоушн-митинги с читателями.

О Лере ходили слухи, что она – крайне сложный в общении человек. Помню, как увидела ее в первый раз и удивилась тому, что она совсем не такая молодая и уж точно не такая изящная, как на фотографиях. Мадам Свентицкая изводила меня своими капризами, но мне было велено выполнять все прихоти со сладкой улыбкой – еще бы, ведь она была одним из главных источников дохода для издательства.

Каково же было мое удивление, когда Валерия Артуровна предложила мне перейти на работу к ней и стать ее личной секретаршей. Я знала, что в сей почетной должности никто не задерживается больше пары месяцев, но ответить отказом не смогла: предложение мадам Свентицкой более походило на приказ.

Да и издательству требовался свой человек в окружении примадонны – в последнее время она уделяла слишком большое внимание своей телевизионной карьере, сдавая рукописи с большим опозданием, к тому же перешла отчего-то на квазиинтеллектуально-парафилософскую прозу а-ля ранний Сартр (или поздний Камю), напрочь забросив детективную стезю. Но народу (и издательству) требовались полюбившиеся герои Валерии Свентицкой, а не двухтомные размышления о тяжести бытия и легкости смерти. Чтобы наставить писательницу на путь истинный, руководство и приняло решение внедрить меня в ее ближайшее окружение. В мои обязанности входило следить за тем, чтобы никто и ничто не мешало великой романистке творить за ноутбуком последней модели в тиши квартиры-ателье или подмосковной виллы очередной роман нужного содержания и объема.

Так я и превратилась в «серого кардинала». Кто бы знал, какие сцены мне приходилось переживать, какими упреками меня осыпала холеричная мадам Свентицкая, сколько раз она бросала в меня книгами и посудой, как часто она меня увольняла... И каждый раз я возвращалась к ней, потому что без меня Лера была как без рук. Она в глубине души (хотя никогда не признала бы это публично) была довольна тем, что я выполняла всю бумажную работу, а издательство было на седьмом небе от счастья по поводу того, что мадам Свентицкая наконец-то закончила эксперименты в области постмодернистской прозы и вернулась к полюбившимся народу и приносящим деньги героям, фабулам и жанрам.

Убедить Леру в том, что в Голливуде ее никто особенно не ждет, оказалось невозможно. Контракты с американцами были давно подписаны через адвокатов, но мадам Свентицкая, давно заявлявшая, что в Москве ее гению сделалось тесно, настояла-таки на поездке в Лос-Анджелес. За счет издательства, разумеется.

Американская сторона прислала приглашение для нее и для меня, ее верной секретарши, а издательство, скрипя зубами, забронировало два номера в одном из голливудских отелей. Под моим руководством была составлена программа пребывания известной российской писательницы в Лос-Анджелесе, включавшая посещение киностудии и нескольких вечеринок.

Мы прибыли в Лос-Анджелес пятнадцатого ноября. В международном аэропорту нас встречали представители телеканала, купившего права на экранизацию романов мадам Свентицкой. В шикарном белом «Майбахе» (оплаченном самой Лерой) они доставили нас в отель.

Лера – разве стоило ожидать иного! – была недовольна своими апартаментами, рестораном и обслуживанием. Она была разочарована тем, что ее не ожидали толпы журналистов и восторженных поклонников. Я же не стала упоминать о том, что ее имя в Америке никому ничего не говорит.

Пять дней в Лос-Анджелесе пролетели очень быстро. Оставалось три дня до отлета в Москву, которые были посвящены походам по магазинам и развлечениям. Один из боссов телеканала устроил Лере и мне приглашение на один из приемов в Беверли-Хиллз, на котором, по слухам, должен был присутствовать сам Джек Николсон, который, как отчего-то вбила себе в голову Лера, должен сыграть в экранизации ее романов главного злодея – «крестного отца» русской мафии. Впрочем, как выяснилось в последнюю минуту, знаменитый актер отказался от мысли почтить прием своим присутствием, однако я намеренно не сообщила об этом мадам Свентицкой, не желая, чтобы у нее испортилось настроение – она как раз думала над сюжетом нового романа. Юбилейного, под номером тридцать пять.

Прием, как оказалось, проходил на вилле режиссера фильмов ужасов, и на нем присутствовали актеры и актрисы второго и третьего эшелона. Мы с Лерой прибыли с изрядным опоз-

данием – моя хозяйка считала, что такая известная писательница, как она, не должна появляться вовремя.

Мадам Свентицкая обвешалась драгоценностями и выбрала платье с большим декольте. Когда мы появились в особняке, то на нас обратили внимание – кое-кто из гостей повернул головы, улыбаясь и шушукаясь.

– Они меня узнали! – заявила Валерия Артуровна, нимало не сомневаясь, что именно ее появление внесло сумятицу в размеренный ритм одной из второстепенных вечеринок.

Что ж, отчасти она была права. На нас (вернее, на Леру) обратили внимание. Но вовсе не по той причине, что узнали в ней знаменитую писательницу детективов из Москвы. Фурор произвел смелый вырез платья и большое количество брильянтов мадам Свентицкой.

– Кто эта старуха? – услышала я фразу одной из молодых актрисулк и порадовалось тому, что Валерия Артуровна говорит только по-немецки, да и то на уровне завуча ПТУ. – Одна из тех, чья карьера, так и не начавшись, закончилась лет тридцать назад?

Появился и хозяин «бала», который приветствовал нас с фальшивой радостью. Мне пришлось выполнять обязанности переводчицы для мадам Свентицкой, которая отчего-то решила, что должна вывалить на режиссера свои соображения по поводу того, как следует экранизировать ее романы.

Когда тот, вежливо сославшись на то, что его зовут, исчез, Лера заявила:

– Так где же Джек Николсон? Марина, ты ведь говорила, что он тоже здесь будет. Уж я-то смогу убедить Джека сыграть роль пахана Афанасия Заславского. Или олигарха Теодора Абрикосова. Или их обоих!

Мне пришлось изобретать что-то на ходу, но я заметила – чело хозяйки помрачнело. Она, привыкшая к всеобщему вниманию на приемах в Москве, никак не могла смириться с тем, что в Голливуде никто не распахивает от удивления глаза при ее появлении и не протягивает робко блокнотик, умоляя дать автограф.

– Никудышный прием, – заявила мадам Свентицкая. – Мы тут долго не задержимся!

Чтобы скрасить как-то скуку, мы прошлись по вилле и попали в длинную галерею, уставленную восковыми фигурами. Они изображали разнообразных представителей фильмов ужасов (графа Дракулу, Фредди Крюгера, Хищника), а также знаменитых убийц и маньяков. Прошли мимо Джека Потрошителя, выполненного в виде закутанной в плащ фигуры с окровавленным ножом в руке, и остановились около человека, сидевшего на электрическом стуле.

– Что за ужас! – воскликнула мадам Свентицкая, недовольно морщась. – Ну и вкус у хозяина вилы! Марина, у меня страшно разболелась голова!

Последняя сакраментальная фраза означала, что нам пора. Но я, заинтересовавшись типом, которого, по всей видимости, собирались казнить на электрическом стуле, склонилась над табличкой и прочитала: «Джек Тейлор, он же «Зодиак», за минуту до приведения в исполнение смертного приговора 27 января 1940 года».

– Занятная фигура, вы не находите? – услышала я мужской голос и обернулась.

Позади нас стоял молодой мужчина лет двадцати восьми, причем, как я успела отметить, весьма привлекательной наружности: высокий, светловолосый, с атлетической фигурой и зелеными глазами. Я отметила, как Лера с шумом втянула воздух – субъект был явно в ее нимфоманском вкусе!

– Что он сказал? – потребовала от меня немедленного перевода мадам Свентицкая.

Я нехотя перевела слова молодого человека на русский. А он, растерянно улыбнувшись, воскликнул:

– Ах, неужели вы и есть та самая известная русская писательница?

О, его фраза тотчас растопила сердце Валерии Артуровны. Она царственно подала зеленоглазому красавцу руку и произнесла по-английски ту единственную фразу, которой я ее научила:

– Хэллоу! Меня зовут Валерия Свентицкая, я – самая известная писательница детективов в современной России.

Молодой человек (он походил чем-то на Брэда Питта в юности, и это заставляло мое сердце сладко ныть) склонился над рукой мадам Свентицкой и поцеловал ее. Архаичный жест мгновенно заставил мою хозяйку забыть о том, что у нее болит голова и что минуту назад она собиралась в отель.

– Прошу прощения, что столь бесцеремонным образом помешал вашей беседе, – произнес красавец, протягивая мне руку (увы, поцелуя, по его мнению, я не заслужила). – Однако я заметил, что ваше внимание привлекла восковая статуя Джека Тейлора, более известного как «Зодиак». Ах, разрешите представиться! Меня зовут Эдвард Холстон, журналист.

Заслышав, кем является красавец Эдик (так я сразу же окрестила копию Брэда Питта), мадам Свентицкая воспряла духом и зашептала мне:

– Марина, немедленно договорись с ним об интервью!

Откуда Лера взяла, что Эдик хочет взять у нее интервью, я не знала. Вероятно, моя хозяйка была уверена, что любой журналист, будь то русский или американец, жаждет одного – получить от нее, великой писательницы, ответы на животрепещущие (и не очень) вопросы современности. Но когда я сообщила Эдику, что мадам Свентицкая будет рада дать ему интервью, он восторженно расплылся в улыбке:

– С превеликим удовольствием! Я читал все ее книги, переведенные на английский, и с нетерпением жду появления новых.

Лера была вне себя от счастья. Еще бы, любой писатель, в том числе такой маститый, как моя хозяйка, любит похвалы читателей, в особенности зарубежных.

– Вы хотите написать о судьбе «Зодиака» и о его преступлениях? – поинтересовался Эдик у мадам Свентицкой.

По глуповатому выражению лица Леры я быстро поняла, что она не имеет представления, кто такой «Зодиак», поэтому по собственной инициативе быстро ответила:

– О да, мадам Свентицкая подумывает об этом.

– Джек Тейлор был странным типом, – пустился в рассуждения Эдик. – На его совести шесть человек. Всем им он отрезал головы, а убийства совершил в соответствии с зодиакальным циклом, оставив на теле каждой из жертв небольшой серебряный диск с изображением соответствующего знака. О нем даже снято несколько фильмов. Правда, все – еще в сороковые-пятидесятые годы. Сейчас о «Зодиаке» никто и не вспоминает...

Лера, которой я переводила рассказ Эдика, пожирала глазами молодого журналиста и наверняка пропустила мимо ушей историю знаменитого маньяка. Я же, припомнив что-то из журнальной статьи, которую мне когда-то довелось читать, спросила:

– Но существует теория, гласящая, что он не был виновен, а стал жертвой судебной ошибки. Джек Тейлор даже на электрическом стуле заявлял, что не совершал убийств.

Лера, обеспокоенная тем, что я слишком долго говорю с Эдиком и не перевожу ее умные замечания, прошипела:

– Марина, ты что, флиртуешь с ним? Запомни, это я на приеме, а ты – на работе!

Да, мадам Свентицкая умела поставить человека на место. Она взяла под руку симпатичного журналиста и исчезла с ним на террасе, оставив меня одну. Ее не смутило даже то, что ее английский смехотворен (несмотря на то, что везде заявляется – Лера говорит по-английски не хуже королевы Елизаветы). Впрочем, как выяснилось, Эдик говорил немного по-немецки и знал даже несколько фраз по-русски.

Я устала на воскового Джека Тейлора, восседавшего на электрическом стуле. Если честно, то я много отдала бы, чтобы увидеть на его месте мадам Свентицкую. И сама бы недрогнувшей рукой привела в движение подающий электричество рычаг. Лера наверняка изобразит большой интерес к истории «Зодиака», и все ради одного – чтобы Эдик написал о ней статью,

а затем (или, не исключено, до этого) побывал у нее в постели. Красавец Эдик вполне заменит ей старика Николсона!

Я отправилась обратно в зал, где почтенная голливудская публика продолжала веселиться. Как бы хорошо было вернуться в отель, а лучше – немедленно вылететь обратно в Москву! Лера должна работать над новой книгой, а она увлекает в свои сети молодых журналистов, годящихся ей по возрасту в сыновья.

Мои сумрачные размышления прервали восторженные возгласы и аплодисменты, в зале погас свет. Режиссер, отмечавший свой день рождения, получил подарок – огромный торт, который вкатили на тележке. Я зевнула и уныло уставилась на гору из крема и марципанов. Когда же это, право, прекратится!

К хозяину дома подошел один из вышколенных слуг и протянул ему увесистый пакет, в котором, судя по всему, содержался еще один подарок. Тот положил его на стол, где высилась гора подобных свертков. Я не вытерпела и отправилась на поиски Валерии Артуровны и Эдварда Холстона. Журналиста надо предупредить о нависшей над ним опасности. Он ведь, бедняга, понятия не имеет о том, какая опасность ему грозит!

В действительности же я испытывала непонятное чувство ревности. И что из того, что я была знакома с Эдиком всего десять минут? Мне хватило их, чтобы понять: он – тот самый мужчина, которого я искала всю свою жизнь!

Похоже, точно так думала и мадам Свентицкая, которая громко хихикала, распивая с Эдиком шампанское около бассейна. Я подошла к ним и грубо сказала:

– Валерия Артуровна, нам пора. Автомобиль ждет.

Великая писательница с недоумением уставилась на меня. Я ей пояснила:

– Вы же хотели покинуть скучную вечеринку, и я позаботилась о том, чтобы это произошло как можно быстрее...

– Ах, милочка, ты, так и быть, можешь отправляться в отель, а я еще задержусь! – ответила мадам Свентицкая. Я заметила, что она уже сильно навеселе. Еще бы! Если вылакать три бутылки шампанского, то непременно закосеешь. Приблизившись вплотную к писательнице, я заявила:

– Валерия Артуровна, прошу вас, следуйте за мной! У мистера Холстона, я уверена, имеются неотложные дела.

– Ничуть, – заверила меня Лера. – Эд как раз берет у меня интервью.

Эд! Вы только посмотрите – получаса хватило, чтобы она окрутила мальчишку! Как мне оторвать мадам Свентицкую от журналиста? Похоже, она не собирается расставаться с ним. Остается надеяться, что в нем не проснется азарт палеонтолога и он решит отказаться от дальнейших встреч с ходячим ископаемым – моей дорогой хозяйкой.

Мое воображение лихорадочно работало. Наконец мне пришла в голову занятная идея. Конечно, то что я придумала, чревато непредсказуемыми последствиями – например, немедленным увольнением. Однако я не позволю Лере, как коршуну, броситься на беззащитного цыпленка – журналиста Эдика!

– Посмотрите, как хорошо сегодня виден Орион! – заявила я фальшиво-восторженным тоном и ткнула пальцем в небо.

Валерия Артуровна и симпатяга-журналист, как по команде, уставились на звезды. Я коварным быстрым движением толкнула великую писательницу, та не удержала равновесия – и полетела в бассейн!

О, это было поистине незабываемо зрелище: мадам Свентицкая, в своем шикарном платье и обвешанная с ног и до головы драгоценностями, плюхнулась в изумрудные воды искусственного водоема. Я не смогла сдержать победоносной улыбки. Мне было прекрасно известно, что Лера не умеет плавать. Кстати, этой чертой она почему-то с завидным упорством наделяла всех главных героинь своих романов.

– Помогите, тону! – завопила Валерия Артуровна, отчаянно размахивая руками.

Я не сдвинулась с места – в мои обязанности не входило спасать великую писательницу. Но затем произошло то, чего я совсем не ожидала – Эдик, скинув смокинг (фигура у него была изумительная!), прыгнул в бассейн вслед за Лерой.

Около бассейна столпились пьяные гости. Эдик помог дрожащей Лере выбраться наружу. Вид ее был жалок – намокшее платье облегло ее пышную фигуру, безжалостно подчеркивая слишком объемные формы, прическа растрепалась, тушь и помада размазалась по лицу. От прежней Валерии Артуровны Свентицкой, надменной и красивой, не осталось и следа. Все усталились на мою хозяйку. Я провозгласила по-английски:

– Леди и джентльмены, русская писательница немного перепила и решила освежиться в бассейне. Прошу вас, воспринимайте это как проявление загадочной славянской души.

Мне очень хотелось, чтобы поблизости оказалась пара вездесущих журналистов с фотоаппаратами и камерами, при помощи которых они бы увековечили позор Леры. Я уже представляла себе заголовок в газетах: «Русская писательница устраивает дебош на вечеринке в Голливуде».

– Дорогая Валерия Артуровна, с вами все в порядке? – заботливо спросила я, поворачиваясь к насквозь промокшей хозяйке. – И как вы только упали в бассейн!

– Ты меня толкнула, – сварливо пробормотала Лера.

Я изобразила на лице совершеннейшее непонимание и принялась горячо уверять Леру, что она споткнулась и полетела в воду по собственному недосмотру. Тем временем Эдик накинул на плечи дрожавшей Леры свой пиджак, и романистка тотчас забыла обо мне, расплывшись в улыбке.

– Вы – мой герой, – произнесла она. Я едва не заскрежетала зубами: оказывается, моя выходка только сблизил Леру и Эдика! И он тоже хорош: кто бы мог подумать, что репортер – такой галантный рыцарь и что он бросится за дамой в бассейн.

Послышались дикие вопли, и я увидела, как несколько гостей в полной амуниции полетели в воду. Они последовали примеру Леры и решили немного поплавать! Скоро в бассейне плескалось не меньше двадцати человек в вечерних нарядах.

Гордо подняв голову, мадам Свентицкая удалилась в дом, сопровождаемая журналистом Эдиком. Я с видом побитой собаки поплелась за ними. Похоже, мой план не сработал: вместо всеобщего посмешища Лера стала законодательницей моды на вечеринке голливудского режиссера.

Через час, когда купание подошло к концу, а Лера пообсохла, я услышала дикий крик и устремилась из галереи, где рассматривала восковую нежить, в зал для приемов. А там увидела хозяина, державшего в руке нечто, напоминавшее большую стеклянную банку с каким-то большим овощем внутри. На мраморном полу валялась цветная обертка – значит, в руках режиссера один из подарков.

– Господи, что это такое? – слышались изумленные и испуганные голоса.

Я заметила приближающегося Эдика, который наконец оставил мадам Свентицкую. Вслед за тем раздался звон – режиссер выронил банку, которую держал в руках, и она, упав, разбилась.

То, что я приняла за крупный корнеплод, в действительности было... человеческой головой! Кожа зеленовато-бледного оттенка, мутные глаза, слипшиеся волосы, вывалившийся из рта сиреневый язык.

Мне сделалось плохо, и я отвернулась. Получилось так (я этого не хотела, но втайне мечтала именно об этом!), что я уткнулась в грудь Эдику.

– Не стоит волноваться, наверняка сейчас выяснится, что кто-то неумно пошутил, – заявил журналист бодрым тоном, однако создавалось впечатление, что он и сам не верит в то, что говорит.

– Боже, да это человеческая голова! – завопило сразу несколько голосов.

И вслед за этим мадам Свентицкая грохнулась в обморок. Эдик оставил меня и бросился поднимать несчастную с пола. Судя по тому, что она слишком уж медленно и чересчур картинно оседала, сознания она не теряла, а только решила натуралистично изобразить смятение своих чувств.

Что-то звякнуло у меня под ногой. Я нагнулась и увидела небольшой черный мокрый диск. Вероятно, он вылетел из банки, в которой находилась заспиртованная человеческая голова. Я машинально подняла его и увидела странный знак:

Какое-то странное чувство мелькнуло у меня, мне показалось, что я что-то вспомнила. Однако всеобщая паника не позволила мне сосредоточиться.

Полиция прибыла чрезвычайно быстро – наверное, в Голливуде привыкли к постоянным неожиданностям на виллах богатых и знаменитых. Место происшествия (то есть зал для приемов, на полу которого лежала человеческая голова) тотчас огородили желтыми лентами, а несколько полицейских принялись опрашивать всех, кто находился на вечеринке.

Когда настала очередь мадам Свентицкой, мне пришлось выступить в роли ее переводчицы. Я заверила офицера полиции, что нам ничего не известно и к убийству мы не имеем ни малейшего отношения.

– Речь ведь идет об убийстве? – спросила я.

Тот предпочел не отвечать на мой вопрос, однако я и так понимала, что вряд ли некто решил расстаться с головой по собственному желанию. Не исключено, разумеется, что произошедшее – глупая и безвкусная шутка. Может, один из приятелей или, наоборот, недоброжелателей режиссера прислал ему в подарок голову, похищенную из морга.

Мадам Свентицкая очень правдоподобно изображала тяжелобольную, постоянно жалуясь на то, что у нее страшно болит голова. Подобная песня была мне очень хорошо знакома и не производила на меня должного эффекта. А вот Эдик попался и тотчас вызвался сопровождать нас обратно в отель.

Пришлось долго ждать: на виллу понаехали многочисленные полицейские чины и даже представители ФБР. Наконец нам было дозволено отправляться по домам – к тому времени часы показывали около половины третьего ночи.

Мы втроем оказались в «Майбахе», и как только захлопнулась дверь и машина тронулась с места, Эдик воскликнул:

– Я знаю, кому принадлежит эта голова!

Я в страхе посмотрела на журналиста, а он поспешил успокоить мадам Свентицкую и меня:

– Нет, к убийству я не причастен. Тем более что оно произошло семьдесят лет назад. Вы помните историю Джека Тейлора по прозвищу Зодиак?

– Он вроде бы отрезал жертвам головы... – неуверенно начала я.

Валерия Артуровна, больно ущипнув меня, гаркнула:

– Марина, будь любезна и переводи все, что говорит Эд! Я тоже хочу быть в курсе дела!

Журналист продолжил:

– Я уже поведал о своем предположении полицейскому, который меня опрашивал, однако он заявил, что такого просто не может быть. Так вот, «Зодиак», которым, по всеобщему мнению являлся Джек Тейлор, совершил в 1938 – 1939 годах шесть злодейских убийств. Жертвами

стали в числе прочих и голливудские знаменитости тех лет. Так, одна из убитых им женщин – а он лишил жизни двух мужчин и четырех дам – была Аврора Демарко, молодая актриса, которой все предрекали небывалый успех и известность.

Я воскликнула:

– Теперь я вспомнила, где видела этот странный знак! Эд, у вас найдется блокнот?

Мадам Свентицкая злобно уставилась на меня, уловив, что я тоже называю молодого журналиста Эдом.

– Мой, к сожалению, промок, – ответил тот с обезоруживающей простотой.

Тогда, покопавшись в сумочке, я выудила лист бумаги, ручку и нарисовала тот значок, который обнаружила на черном диске, вылетевшем из сосуда с отрезанной головой.

– Вам известно, что это такое? – спросила я журналиста.

Как жаль, что нас разделяла мадам Свентицкая! На мгновение мне представилось – мы в автомобиле одни, красавец Эдик нежно целует меня, а затем белый шикарный лимузин увозит нас в неведомую райскую даль. На таких сюжетах и специализируется моя хозяйка Лера Свентицкая.

– Астрологический знак Овна! – выпалила увлекавшаяся астрологией великая писательница детективов.

Я перевела Эдику фразу, и он, хлопнув себя по лбу, в волнении воскликнул:

– Так и есть! Знак в самом деле похож на схематичное изображение рогов.

– А вы, помнится, говорили, что актриса... Аврора...

– Аврора Демарко, – подсказал Эдик, и я почувствовала, что мы можем составить прелестный тандем. Вот если бы только мадам Свентицкая не путалась постоянно под ногами!

– Та самая Аврора Демарко была убита... – протянула я и запнулась.

– Была убита за двое суток до своего дня рождения, который приходился на 23 марта 1939 года, – добавил с лучезарной улыбкой Эдик.

Я тотчас подхватила:

– Вы говорите, 23 марта? А солнце находится в астрологическом знаке Овна в период с... с... Одну минуту!

Покопавшись, я вытащила глянцевого журнала, быстро пролистала его и наткнулась на то, что искала. Так и есть, не только в российских, но и в американских изданиях печатают всякую астрологическую чушь. Лера ей верит, а я – нет. Она, кстати, объясняет мое неверие тем, что я – «упертая, бодливая Козерожица» (ее слова!) – ведь меня угораздило родиться в середине января, а Козероги очень упрямы, их никаким Макаром не заставить принять противоположную точку зрения. Ну, не то чтобы я совсем не верила в астрологию... Гороскопы я регулярно читаю, просто не придаю им столь гипертрофированного значения, считаю забавной, но псевдонаучной ерундой, в то время как Лера на них попросту помешана.

– Так и есть, посмотрите, – провозгласила я, подсовывая журнал Эдику.

На секунду наши руки встретились. Лера, заметившая это, грубо выхватила журнал и, закрыв его, заявила:

– Я и так могу сказать вам, что Солнце находится в знаке Овна с 21 марта по 20 апреля. Переводи, Марина!

Моя патронша не упускала случая напомнить в очередной раз, кто в доме хозяин, а кто – всего лишь секретарша. Я сообщила о ее «великом открытии» Эдику. И он сказал, что, как и

покойная Аврора, тоже Овен – его день рождения приходился на 11 апреля (красавчик назвал и год).

– Я уверен, что голова, которую некто прислал в качестве подарка режиссеру, принадлежит... вернее, принадлежала Авроре Демарко, – сказал молодой журналист.

Я же была в шоке от его даты рождения. Нет, не по причине того, что он – Овен (я же Козерог, а знаки Земли не подходят знакам Огня). Я пребывала в прострации по тому поводу, что у нас преобладающая (во всяком случае, для меня!) разница в возрасте – шесть лет. Я-то думала, что от силы два, ну три годика. А так я для этого молокососа (симпатичного, но, увы, молокососа) почти что бабушка. В любом случае шесть лет, попыталась я успокоить себя, не так бросаются в глаза, как целые двадцать шесть, которые разделяют его и Леру Свентицкую.

– Вы и правда думаете, что голова принадлежит той несчастной актрисе? – произнесла я в ужасе. – Но вы сами сказали, что ее убили почти семьдесят лет назад! Голова не могла так долго сохраниться!

Эдик пояснил:

– Вы ведь обратили внимание на то, что она была погружена в жидкость. Наверняка в формальдегид. В такой среде органические ткани могут сохраняться столетиями.

– Какой прекрасный сюжет для моего нового романа! – прервала Эдика мадам Свентицкая. – Эд, вы ведь можете мне разработать сюжет?

И она волооко посмотрела на несчастного журналиста. Не позволяя беседе отклониться в опасную сторону, я продолжила:

– Но ведь головы, если я не ошибаюсь, «Зодиак» похитил.

– Верно, – заметил Эдик. – При аресте Джека Тейлора в его комнате была обнаружена окровавленная одежда, а в подвале – окровавленный нож. Это были очень серьезные улики, которые убедили присяжных в виновности Тейлора. Впрочем, в том, что он – убийца, никто не сомневался. Все желали одного: поимки и скорого наказания «Зодиака». Тейлор утверждал, что одежду и нож ему подложили, и защита продемонстрировала, что проникнуть как в комнату, так и в подвал его дома было плевым делом. Но, конечно, «отговоркам» никто не поверил. Интересно, что головы жертв так и не были найдены. И один из этих ужасных трофеев всплыл только этой ночью!

– Но ведь Тейлора казнили, не так ли? Тут нет никаких сомнений? – спросила осторожно я.

– В конце января 1940 года, – подтвердил журналист. – За казнь наблюдало не меньше двух дюжин человек, в том числе известный писатель детективов Квентин Мориарти, который до последнего пытался доказать невиновность Джека Тейлора.

– Марина, почему ты мне ничего не переводишь? – грозно спросила Лера. – Или ты думаешь, я буду сидеть душой и слушать, как ты воркуешь с Эдом?

Я внутренне застонала, подумав, что Лера могла бы жить в тридцатые годы и стать одной из жертв «Зодиака». Если бы он оттяпал ей голову, то я точно не стала бы горевать по этому поводу!

– Мы ведем речь об убийствах «Зодиака», – заявила я, пытаясь успокоить разошедшуюся писательницу. Как ни хорош был журналист, я все же не хотела потерять из-за него место личной секретарши мадам Свентицкой. Да ведь имеются и другие способы разрубить гордиев узел, мелькнула у меня коварная мысль.

– Но если Тейлора казнили без малого семьдесят лет назад, то каким образом голова одной из его жертв была прислана в подарок режиссеру сегодня? – ляпнула я.

Воцарилась короткая пауза. Эдик, взглянув на меня, проронил:

– Это и собирается выяснить полиция. Но у меня имеется несколько предположений по этому поводу...

– Мне очень интересно узнать их! – заявила мадам Свентицкая, когда я перевела ей фразу журналиста. – Не сомневаюсь, что ваши предположения, дорогой мой Эд, будут верными!

При переводе я опустила слова «дорогой мой Эд», решив, что они лишние.

– Мы можем, во-первых, исходить из того, что головы в течение семидесяти лет были где-то спрятаны и некто наткнулся на них и решил использовать для ужасной шутки, – высказал одно из предположений журналист.

Ничего себе шуточка! Хотя я, если честно, была готова, подобно нахальной распутнице Саломее, возжелавшей в качестве подарка голову Иоанна Крестителя на золотом блюде, потребовать себе ко дню рождения мозги мадам Свентицкой (в том, безусловно, случае, если таковые у нее наличествовали).

– Однако дом Джека Тейлора был обыскан наитщательнейшим образом, и полиция не нашла следов ни одной из шести голов, – продолжал репортер.

– Тейлор мог их, к примеру, зарыть, – вставила Лера.

Я едва сдержала вздох – она обращается к собственному роману, «Кровавые блески прошлого», в котором внучка натывается на тело бабушки, зарытой злобным убийцей в огороде, на грядке петрушки.

– Мог, – согласился Эд, и я фыркнула, – однако какова вероятность того, что кто-то спустя семьдесят лет обнаружил их? Да и вряд ли бы головы были в таком отличном состоянии, провели они столько лет в земле.

Так-то, госпожа писательница! А то думаешь, никого умнее тебя не найдется?

– Итак, версию о том, что некто наткнулся на тайник Тейлора с головами, мы расцениваем как не выдерживающую серьезной критики, – продолжил журналист. – Тогда позвольте изложить другое предположение: некто, совершавший убийства и сваливший вину на Тейлора, хранил все прошедшие годы у себя головы жертв.

Я ахнула и прошептала:

– «Зодиак» на самом деле остался непойманным? Вы это хотите сказать?

– Я уже говорил, что Тейлор клялся в своей невинности. Улик в его деле было предостаточно, как прямых – например, окровавленная одежда и нож, – так и косвенных: показания соседей, охарактеризовавших Тейлора как нелюдимого и странного типа, помешанного на астрологии и прочих мистических вещах. Но они ведь не подтверждают, что Джек Тейлор был в действительности виновен.

– Прямо как в моем романе «Траур по архитектору воздушных замков», – провозгласила Лера и принялась пересказывать содержание своего произведения, в котором преуспевающего дизайнера подозревают в убийстве любовницы.

Автомобиль остановился, мы подъехали к отелю. Мадам Свентицкая заявила:

– Эд, буду рада, если у вас найдется время продолжить беседу.

Продолжить беседу в три часа ночи? Как бы не так! Старая мегера хочет заманить ничего не подозревающего мальчика в свой номер и напасть на него! Я немедленно должна помешать этому.

Эдуард посмотрел вопросительно на меня, и я произнесла, пользуясь своим несомненным преимуществом, то есть знанием английского:

– Мадам Свентицкая выражает вам свою благодарность и сожалеет, что вынуждена покинуть вас – у нее очень болит голова.

– Ну конечно, – произнес Эд. – Такая вечеринка запомнится до конца жизни!

– Что он сказал? – спросила меня Лера, и я, не испытывая ни малейших угрызений совести, ответила:

– Увы, он не может. Его ждут жена и трое детей.

– У Эда имеется жена и трое детей? – протянула крайне разочарованно мадам Свентицкая.

Я энергично кивнула:

– Да. И нам неприлично задерживать его, Валерия Артуровна.

Мы расстались с Эдиком, и это, признаюсь, далось мне нелегко. Однако меня утешала мысль о том, что он не достался не только мне, но и мадам Свентицкой.

Остаток ночи прошел в тревогах. Лера заявила, что боится спать одна, так как ей чудится «Зодиак», пришедший по ее душу, и мне пришлось успокаивать ее расшатавшиеся нервы, читая вслух одну из ее собственных книжек. Наконец около шести утра мадам Свентицкая заснула. Я на цыпочках вышла из ее номера, вернулась к себе и без задних ног повалилась на кровать.

Газеты и телевизионные каналы сообщили о страшной находке. Как выяснилось, предположение Эдика Холстона было верным, и голова, судя по всему, в самом деле принадлежала актрисе Авроре Демарко, убитой за два дня до своего двадцать четвертого дня рождения. Самое жуткое, что вилла, на которой обитал режиссер фильмов ужасов, располагалась на участке, где в тридцатые годы находился особняк молодой и начинающей восхождение на голливудский олимп актрисы. Тот, кто прислал голову, воспользовавшись службой экспресс-доставки, обладал циничным чувством юмора.

Эдик навестил нас во второй половине дня (я воображала, что меня, а Лера была уверена – что исключительно ее) и преподнес нам издание «Лос-Анджелес Пресс», в котором имела написанная им статья. Вот, оказывается, чем он занимался остаток ночи!

– Вчерашним происшествием занимается теперь ФБР, – сказал красавец-журналист. – По своим каналам я узнал, что подозреваемых пока нет. Собственно, никакого преступления пока не произошло, и тому, кто послал голову Авроры Демарко, можно предъявить разве что обвинение в нарушении правил захоронения или кощунственном отношении к останкам.

– Но зачем кто-то выкинул подобный фортель? – спросила я.

Лера тотчас принялась выдвигать теорию за теорией:

– Это проделка сумасшедшего маньяка-некрофила... Или нет, месть бывшей жены режиссера, которая решила так отомстить ему за то, что он обделил ее при разводе... Или, не исключено, ловкий трюк для продвижения его нового фильма...

– А также мы можем предположить, что «Зодиак» снова вышел на охоту! – ляпнула я.

Мадам Свентицкая снисходительно улыбнулась:

– Мариночка, детка, похоже, у тебя были неважные оценки не только по логике в университете, но и по арифметике в школе. Подумай сама, убийства имели место почти семьдесят лет назад. Даже если предположить, что «Зодиаком» был не казненный Джек Тейлор, а кто-то другой, так и не понесший наказания за преступления, то он давным-давно умер!

Эд, которому я перевела тираду моей хозяйки, кашлянул и, обернувшись по сторонам (мы находились в ресторане), кивнул:

– Не исключено, что вы правы, Валери.

Валери... Надо же, как он ее называет! На французский лад, как декоративную собачку породы чихуа-хуа.

– Говорят, в ФБР поступило анонимное послание по электронной почте, подписанное «Зодиаком». Пока широкой общественности о нем не сообщают, но, думаю, в ближайшие дни властям придется выложить все карты на стол.

– «Зодиак» прислал письмо? – изумилась Лера. – И что же он пишет?

– Я, разумеется, не имел возможности прочитать сие любопытное послание, хотя отдал бы за это полжизни, – усмехнулся Эд. – Вы же знаете, когда происходят подобные преступления, то находятся неуравновешенные личности, которые засыпают полицию письмами, терроризируют звонками и уверяют, что или знают, кто убийца, или даже сами признаются в ужасных деяниях. Наверняка подобное началось и после того, как некто прислал режиссеру голову

Авроры Демарко. Но упомянутое мной послание выбивается из общего ряда. Вроде бы в нем содержатся некие детали, которые могли быть известны только «Зодиак».

Я двинула локтем и перевернула бокал с красным вином. Лера недовольно буркнула:

– Какая же ты косолапая, Марина! Кстати, ты отпечатала мои письма? И не забыла позвонить в Москву?

Мадам Свентицкая так и хотела избавиться от меня под любым предлогом. Я клятвенно уверила ее, что выполнила все ее наставления, однако она не успокоилась.

– Вот и хорошо, я всегда знала, что могу на тебя положиться, милочка. Сходи-ка и принеси мне шипучий аспирин, а то у меня разболелась голова!

Так, ясно, она не хочет, чтобы я мешала ее интимной беседе с Эдиком. Но мне было жуть как интересно узнать о «Зодиаке».

На счастье, галантный Эдик, понимая мои внутренние муки, любезно предложил мадам Свентицкой имевшийся у него шипучий аспирин. Я с благодарностью посмотрела на молодого журналиста, и он, уловив момент, когда Лера отвлеклась, подмигнул мне. Я ему понравилась! У меня имеется шанс!

– Значит, «Зодиак» снова объявился? – произнесла я в волнении. – Но может быть, мы имеем дело просто-напросто с сумасшедшим, который копирует его стиль?

– Не знаю, – качнул головой Эдик. – Во всяком случае, мне стало также известно, что полиция и ФБР отнеслись к его посланию чрезвычайно серьезно. Я пролистал подшивки старых газет и... Знаете, что я обнаружил? Оказывается, в 1938 и 1939 годах многие верили в то, что «Зодиак» убивает свои жертвы и отрезает им головы, потому что они требуются для особого магического ритуала.

– При чем здесь магия? – встрепелась Валерия Артуровна. – И вообще, почему он тогда убивал, руководствуясь знаками Зодиака?

– Этого так никто и не узнал, – ответил Эдик. – Джек Тейлор увлекался подобными вещами, и следствие пришло к выводу, что он помешался на астрологии. Но мне отчего-то кажется, не все так просто в той давней истории. Если предположить, что Тейлор говорил правду и в действительности он невиновен, то подлинный «Зодиак», отправив его на электрический стул, избежал наказания.

– А на самом деле, устроив магический ритуал, он, к примеру, погрузился в долгую спячку, а через семьдесят лет пробудился к жизни! – вставила я дрожа.

– Не говори глупостей! – прервала меня мадам Свентицкая. – Это уже не детектив, а роман ужасов. Не мой жанр.

Я заметила, что Лера напугана. Еще бы, и у меня самой по телу пробежали мурашки, когда я представляла, что маньяк, отрезавший людям голову, остался на свободе и, возможно, дожил до наших дней.

– Но если так, – тем не менее продолжала я, не обращая внимания на стенания моей патронессы, – то вполне вероятно, что «Зодиак» не ограничится рассылкой голов предыдущих жертв. Наверняка ему требуется новая кровь!

Последнюю фразу я произнесла столь зловещим тоном, что Лера простонала:

– Немедленно прекрати! И вообще, мне надоела эта древняя история! Наверняка истинным убийцей и был Джек Тейлор, а голову одной из его жертв, несчастной молодой актрисы, прислал какой-либо шутник.

– В любом случае шутник должен был иметь доступ к архиву «Зодиака» и лого-ву, где тот хранил свои ужасные трофеи, – добавил Эдик. – А если учесть, что в течение семидесяти лет никто не напал на след этого логова, то возникает вопрос: где же была спрятана склянка с головой?

Ответ так и вертелся у меня на языке. Не считаясь с чувствами Леры, я выпалила:

– В аду, где ж еще! Кстати, Валерия Артуровна, великолепная идея для вашего романа: «Возвращение «Зодиака». Причем не какого-нибудь жалкого копииста, а настоящего маньяка, прошедшего в спячке семьдесят лет!

– Отвратительная идея, – заявила, подымаясь из-за стола мадам Свентицкая. Она приложила к вискам длинные пальцы, унизанные перстнями. – Моя головная боль только усилилась. Пойду прилягу. А ты, Марина, должна выполнить все то, что я тебе поручила!

Ну конечно, мачеха, отправляясь на бал, дает Золушке массу невыполнимых поручений. Заверив Леру, что немедленно приступлю к выполнению ее приказаний, я с радостью наблюдала, как она покинула ресторан, отправляясь к себе в номер.

– Вы в самом деле думаете, что «Зодиак» вернулся после семидесятилетней паузы? – спросила я Эдика. А про себя решила: если он назначит мне свидание, то я, разумеется, соглашусь. Лере вовсе не обязательно знать о том, чем я занимаюсь в свободное от работы время.

Увы, журналист и не подумал воспользоваться подвернувшимся шансом. Неужели я не произвела на него впечатления? Или он увлекается тетеньками постбальзаковского возраста наподобие мадам Свентицкой?

Зазвонил мобильный телефон. Извинившись, Эдик переговорил с неизвестным собеседником и, завершив беседу, к моему великому сожалению сообщил:

– Из редакции. Мне пора. Однако мы обязательно увидимся завтра. Я постараюсь узнать побольше про «Зодиака».

Я ревниво посмотрела на журналиста. Мне показалось, что говорил он с женщиной. Еще бы, у такого красавца наверняка полно подружек, которых он к тому же меняет, как перчатки. Или, может, главный редактор его газеты – дама? Если так, то наверняка такая же надутая и надменная особа, как мадам Свентицкая.

Мы расстались. Я и не подозревала, что в следующий раз мы увидимся при крайне небывалых и страшных обстоятельствах.

Я поднялась в номер к Лере и застала ее в постели – она, к моему большому облегчению, мирно спала. Я удалилась к себе и принялась за работу. Время от времени, отвлекаясь от дисплея ноутбука, вспоминала Эдика, его мальчишескую улыбку, зеленые глаза и белые зубы. А ведь мы скоро покидаем Америку! Значит, я больше никогда не увижу его... Никогда!

Мадам Свентицкая, видимо, чрезвычайно устав, продолжала дрыхнуть, я же решила не беспокоить ее – к чему выпускать джинна из бутылки? Ближе к вечеру она позвонила мне и заявила, что неважно себя чувствует. Я поспешила к своей капризной хозяйке и обнаружила ее в кровати – она, похоже, была простужена. Видеть врача Лера не пожелала, принимать таблетки тоже. Сказала, что хочет остаться одна, так как обдумывает идею нового шедевра. В подобные моменты, мне было известно по личному опыту, Леру нельзя беспокоить. Она заказала ужин в номер и заявила, что я больше ей не требуюсь.

Я отправилась к себе и принялась читать один из последних романов главной конкурентки Леры, печатавшейся в издательстве-конкуренте, то и дело поглядывая на телефон и втайне надеясь, что Эдик позвонит мне. О, если бы он предложил сходить с ним в ресторан (только мы вдвоем, никакой мадам Свентицкой!), или в ночной клуб, или на дискотеку... Я бы не раздумывая ответила согласием!

Но Эдик, конечно же, не позвонил. Еще бы, зачем ему замотанная секретарша капризной русской писательницы, если у его ног лежат все женщины Лос-Анджелеса? Да и на что, я, собственно, надеюсь? У нас в любом случае нет будущего – через день мы с Лерой отправимся обратно в холодную Москву, а он останется в солнечной Калифорнии. Да, жизнь крайне несправедлива, в чем я убедилась еще в ясельной группе детского сада.

Настало утро нашего последнего дня в Лос-Анджелесе. Я открыла глаза и увидела, что часы показывают половину десятого. Из-за смещения часовых поясов я засыпала чрезвычайно поздно, но и поднималась не как в Москве, в шесть. Мадам Свентицкая точно уже на ногах,

она-то ранняя пташка. Вот ведь мне влетит! Лера терпеть не могла лентяев, заявляя, что нечего терять время на сон, когда можно свернуть горы. Вчера она приболела, но сегодня наверняка уже чувствует себя намного лучше. Нам предстоит последний рейд по магазинам, во второй половине дня – встреча с телевизионным продюсером, а затем, как я надеялась, ужин с Эдиком. И все, затем отлет на родину!

Я быстро приняла душ, оделась и, взяв трубку телефона, позвонила в номер мадам Свентицкой. Как я и думала, никто не отвечал. Выходит, моя хозяйка давно позавтракала и отправилась по своим делам. Раз Лера решила не тревожить меня, то, значит, она пребывает в крайне плохом настроении. И мне придется испытать на себе, причем уже в который раз, все прелести ее царского гнева.

Я спустилась в ресторан, но Валерии Артуровны там не было. Я осведомилась у метрдотеля, когда мадам завтракала там, но тот заверил, что великая писательница еще не показывалась. По всей видимости, она решила сесть на диету: похудание было ее любимым занятием. Впрочем, помучавшись по очередной модной методике две-три недели, она с утроенной силой набрасывалась на жирную и сладкую пищу.

Позавтракав, я вернулась к себе в номер. Странно, но Лера все еще не объявилась. А ведь обычно, если она была в плохом настроении, то всегда спешила излить его на меня. Я снова позвонила ей, но долгие гудки свидетельствовали, что Леры нет на месте.

Тогда я поднялась на несколько этажей выше и приблизилась к двери люкса, в котором обитала Лера (мне, ее глупой секретарше, полагался одноместный скромный номер, ей же – апартамент с джакузи и мини-бассейном). На золоченой ручке я обнаружила табличку с надписью «Don't disturb». Обычно такие вешают, если не хотят, чтобы тебя беспокоили горничные.

Я долго стучала в дверь, но никто не отзывался. Постепенно меня охватило беспокойство – куда же делась мадам Свентицкая? Если она в номере, то почему не открывает? Если куда-то ушла, то почему не сообщила мне об этом?

Едва я вернулась к себе в номер, как раздался телефонный звонок. Будучи уверена, что нашла Валерию Артуровну, схватила трубку и выпалила по-русски:

– Добрый день, я уже беспокоилась о вас...

Однако услышала голос Эдика.

– Произошло нечто необычайное! – выпалил он. – Похоже, «Зодиак» принялся за старое. Мне только что стало известно, что он прислал в полицию новое послание по электронной почте – вроде бы прошедшей ночью он совершил убийство!

– И кто стал жертвой? – спросила я.

– Он этого не сообщил, – пояснил журналист. – Только там имелось изображение знака Зодиака, кажется, Льва. Среди предыдущих шести жертв в 1938 и 1939 году Льва не было.

Эдик обещал, что, как только узнает больше, немедленно свяжется со мной. Я в очередной раз позвонила Лере, но она так и не взяла трубку. Внезапно мне сделалось страшно. Фраза из разговора с Эдиком всплыла у меня в памяти. «Зодиак», пробудившийся к жизни, заявил, что его новой жертвой стал человек, родившийся под знаком Льва. А день рождения Леры приходился на 16 августа – она была Львом!

Я ринулась к лифту и снова поднялась на этаж, где обитала моя хозяйка. Да нет же, успокаивала я себя, тут всего лишь совпадение, чертов «Зодиак» не имеет ко всему ни малейшего отношения...

– Валерия Артуровна, откройте! – колотя в дверь, кричала я. – У меня имеются для вас чрезвычайно важные новости!

Я увидела, что привлекла внимание полной темнокожей горничной, которая наводила порядок в соседнем номере, и поинтересовалась у нее, была ли она уже в апартаментах, занимаемых мадам Свентицкой. Горничная ответила, что нет, и указала на табличку с надписью «Don't disturb».

– Я должна немедленно поговорить с дамой, которая там живет! – сказала я. – Откройте мне номер!

Горничная принялась объяснять, что не имеет права. Я задумалась: конечно, можно обратиться к менеджеру отеля или даже в полицию и заявить, что жизнь моей хозяйки находится в опасности. Тогда они, вероятнее всего, вскроют дверь. Но если выяснится, что Лера все это время провела в магазинах, а я подняла панику и, сопровождаемая полицией, вторглась в ее апартаменты, то она устроит мне знатную головомойку.

И ещё мне не давала покоя табличка, повешенная невесть кем на ручку. Она свидетельствовала о том, что Лера в номере (ведь вряд ли бы, удалившись за покупками или на свидание, мадам Свентицкая вывесила табличку). Но если это так, почему она не открывает? Шум, который я устроила, поднял бы и мертвого...

Мертвого! Желудок у меня заурчал, ноги подкосились. Мне нужно что-то предпринять... Ситуация грозила выйти из-под контроля. А что, если Лере требуется помощь? К примеру, она могла впасть в кому или, сломав ногу, лежать в джакузи. Или... на нее мог напасть «Зодиак». Мадам Свентицкая на каждом перекрестке заявляла, что родилась под знаком Льва!

Решив, что привлекать администрацию отеля и полицию пока нецелесообразно, я лихо-радошно стала выдумать план. Ну конечно, сделаю так же, как героиня одного из ранних романов Леры, которая проникла в номер известного поп-певца, похитив ключ у зазевавшейся горничной...

Негритянка продолжала менять белье в номерах, ее тележка находилась в коридоре. Я приблизилась к ней, запустила руку в одно из боковых отделений и выудила флакон с какой-то чистящей жидкостью. Тогда самым бесцеремонным образом я перерыла всю тележку, зато обнаружила искомое – пластиковую карточку, выполнявшую функцию дверного ключа. Похоже, при помощи карточки я могу попасть в любой номер. Хм, не наведаться ли мне в апартаменты какого-нибудь миллиардера и не прихватить ли побрякушки его жены? Усмехнувшись над неожиданной мыслью, я кинулась к двери номера мадам Свентицкой. Дрожащими пальцами сжав карточку, провела ею по прорези, дверь еле слышно щелкнула. Надо же, сработало!

Я осторожно ступила в номер Леры. Прикрыв дверь и замерев в коридоре, громко крикнула:

– Это я, Марина! Я беспокоюсь о вас, Валерия Артуровна! С вами все в порядке?

Не получив ответа, прошла в первую комнату. Там царил творческий хаос, столь любимый моей хозяйкой: белье и одежда разбросаны вперемешку с книгами и косметическими принадлежностями. Мадам Свентицкой видно не было.

Заглянула в кабинет – там ее тоже не наблюдалось. Не было ее ни в спальне, ни в салоне, ни в бассейне. Учитывая, что площадь номера метров двести квадратных, можно было предположить, что мадам Свентицкая тут попросту потерялась. Но – не время для шуток. Всё-таки куда же она запропастилась?

Неисследованной оставалась только ванная комната. Дверь в нее была приоткрыта. Я осторожно постучала и на всякий случай (хотя была уже уверена, что Леры в отеле нет) произнесла:

– Валерия Артуровна, вы разрешите мне войти?

Никто не ответил, и я шагнула на выложенный мраморными плитами пол. Первым, что бросилось мне в глаза, были окровавленные полотенца. Они валялись на разноцветных плитах, кем-то небрежно смятые. В нос мне ударил странный животный запах, и секундой позже я поняла, какой именно – запах крови.

Я приподняла одно полотенце двумя пальцами и увидела, что оно прикрывает внушительную лужу загустевшей крови. Меня охватила паника. Так что же здесь произошло?

Разжав пальцы и уронив полотенце, я сделала шаг, даже не заметив, что ступила на залитый кровью пол, я вошла в помещение, где располагалась большая треугольная ванна. В

первую секунду мне показалось, что она до краев наполнена кровью, но затем я сообразила, что такое невозможно. Боясь вздохнуть, приблизилась к ванне, и увидела пятку, торчащую из воды. Пискнув, сипло пробормотала:

– Валерия Артуровна, это вы?

Более глупый вопрос и представить себе невозможно, но... Посмотрела бы я, что на моем месте сделали бы дюжие мужчины! В ванне находилось человеческое тело, и отчего-то я не сомневалась, что оно принадлежало Валерии Артуровне Свентицкой.

Подняв взор, я увидела, что на огромном зеркале начертано красным (ну конечно же, кровью!) нечто, походившее на иероглиф.

Что он изображает – взбесившуюся змею, одуревшего от засухи дождевого червя или нежизнеспособного сперматозоида? Вот какие коленца выбрасывает человеческий мозг, когда ответ уже яснее ясного, но страх сковывает способность к логическому мышлению. Это же астрологический знак Льва!

Попытившись от зеркала, я внезапно поскользнулась на луже крови и полетела на пол. Чтобы не удариться лицом о край ванны, я схватилась за него правой рукой, а левая ушла под воду. Вода была холодной, отметила я машинально. Мои пальцы наткнулись на что-то, я отчаянно завопила и, потеряв равновесие, едва не бухнулась в кровавую жижу. Более кошмарного момента в своей жизни я не переживала. Впрочем, я еще не знала, что ждет меня впереди!

Я отпрянула от мраморной купели, но в ту же секунду мертвец, находившийся под водой, видимо, задетый мной, вынырнул на поверхность. Я ожидала увидеть разинутый рот Валерии Артуровны Свентицкой, вытаращенные глаза и ее посмертную наготу. Но меня ожидало гораздо более страшное и завораживающее зрелище – у тела, находившегося в ванне, не было головы. Кто-то элементарно отрезал ее! Завывая и клацая зубами, на четвереньках выползла из ванной, стукнулась о косяк и, не замечая боли, поползла через весь номер к входной двери. Мне все казалось, что затаившийся в номере убийца (или, чего хуже, обезглавленное тело мадам Свентицкой) последует за мной по пятам. Я бы и за миллиард долларов не обернулась, чтобы взглянуть на дверь ванной комнаты – а вдруг бы увидела мою обезглавленную хозяйку, шествующую, вытянув руки, как зомби, за своей чересчур любопытной секретаршей.

Оказавшись около входной двери, я с большим трудом, по стеночке, поднялась и, дернув ручку, выпала в коридор. Там мне на глаза попала пожилая чета – господин в смокинге и блондинка с подозрительно молодым лицом, но с морщинистыми руками. Дама, прижав к горлу ладони, уставилась на меня и завопила. У ее супруга отпала челюсть, и он осторожно приблизился ко мне.

– Мисс, вам требуется помощь? Вы вся в крови! Боже, кто-то пытался убить вас!

Я, усевшись на пол, хватала ртом воздух и, тыча пальцем в открытую дверь номера мадам Свентицкой, силилась что-то сказать, но изо рта у меня вырывались только нечленораздельные звуки.

Появилась и горничная-негритянка, которая, завидев меня (по всей видимости, я походила на восставшего из ада), тоже громко завопила и бухнулась в обморок. Блондинка продолжала кричать, господин отвесил ей оплеуху со словами:

– Нэнси, замолчи!

Дама наконец стихла, а «смокинг» произнес:

– Я сейчас же вызову полицию и команду медиков. Похоже, здесь произошло убийство.

Дана Хейли

Дана знала, что неделя не заладилась еще утром в понедельник. Ей позвонили из Вашингтона и сообщили, что сенатор Болтон, к великому сожалению, передумал. Это значило, что все ее надежды получить место в предвыборном штабе могущественного республиканца пошли прахом.

Он передумал. Надо же, как просто! С ней обращались, будто она девчонка, а не заместитель окружного прокурора Лос-Анджелеса. Ведь ей не девять лет, а тридцать три. В последние месяцы ее преследовала одна неудача за другой. Похоже, все началось еще в прошлом году после ее возвращения из Герцословакии, где она против своей воли была втянута в криминальную историю и стала свидетельницей того, как наемная убийца, обладавшая паранормальными способностями, едва не спалила целый город.

Вообще-то визит в Европу увенчался успехом – ей удалось раздобыть решающее доказательство вины известного восточноевропейского мафиозо по кличке Китаец, и преступник получил по заслугам – был приговорен к пожизненному заключению. В обмен на сохранение собственной жизни он выдал многих своих сообщников среди власть имущих как в Америке, так и в бывшей коммунистической стране. Грандиозный процесс удалось выиграть благодаря одному человеку – Дана Хейли.

Дана строила радужные планы, ей поступило заманчивое предложение из Вашингтона, а сенатор Болтон, решивший выставить свою кандидатуру на грядущих президентских выборах, лично позвонил ей и намекнул, что для такого толкового юриста, каковым является Дана, найдется место в его штабе, а в случае победы – и в новой администрации.

Сначала ей отказал Вашингтон – кое-кто имел в столице на нее зуб, а успех в процессе над Китацем все только усугубил. Место она так и не получила, и ей пришлось остаться в Лос-Анджелесе на прежней должности и без особых перспектив сделать в ближайшие годы карьеру. Она надеялась, что все изменится, когда сенатор Болтон позовет ее в свою команду. Даже если он не победит на выборах, Дана сумеет завязать нужные контакты. Затем подвернулось дело об убийстве проститутки, вроде бы совершенно рутинное. Представлять на процессе обвинение поручили Дана. Когда убийца в обмен на смягчение наказания согласился выдать своих сообщников, Дана пошла на сделку. И напала в итоге на след тайного клуба молодых бездельников из богатых и влиятельных семей, которые развлекались тем, что устраивали охоту на людей. Одной из их жертв и стала бедная «ночная бабочка».

В числе убийц оказался сын заместителя председателя республиканской партии, и Дана тактично советовали не вступать в конфликт с вашингтонскими боссами из-за какой-то калифорнийской шлюхи. Однако она придерживалась мнения, что преступник должен понести наказание, а жертва быть отомщена. Вне зависимости от социального положения обоих.

Наивная мечта молодого заместителя окружного прокурора, как поняла Дана совсем скоро. Она пошла на конфликт с начальством и предъявила обвинение сыну заместителя председателя партии и отпрыскам других влиятельных персон. Но процесс развалился, так как единственный свидетель изменил свои первоначальные показания. Более того, в тюрьме он вскоре был убит кем-то из сокамерников.

Неудачу повесили на Дану – ее обвинили в том, что она растранила попусту деньги налогоплательщиков, стремясь к собственной славе и игнорируя реальное положение вещей. Газеты и телеканалы, в особенности консервативные, несколько недель трепали ее имя.

А затем объявился и сенатор Болтон – он не позвонил лично, как раньше, а поручил связаться с Даной одному из своих многочисленных помощников. Тот, разбудив Дану в половине пятого утра, сухо объявил, что сенатор передумал. Удивительно, что при сложившихся обстоятельствах сенатор вообще счел нужным оповестить ее. Наверняка ему предложили выбор:

или он забывает о Дане Хейли, или ставит на кон поддержку партии могущественными людьми при выдвижении своей кандидатуры в президенты.

Сенатор, как благоразумный человек, пожертвовал Даной. Это было в понедельник. А в среду Дана узнала, что ее друг Майкл ей изменяет. И не с кем-либо – с ее лучшей подругой. В четверг позвонил отчим и коротко сообщил, что у мамы диагностировали болезнь Альцгеймера. Развитие ее можно задержать при помощи современных дорогостоящих лекарств, которые несколько отсрочат неизбежный финал – полную потерю памяти.

Дана знала, – ее присутствие требуется сейчас в том городке в Оклахоме, где она родилась и выросла, и где находилась больная мама. Однако молодая женщина не могла позволить себе исчезнуть из Лос-Анджелеса. За любым ее поступком следили, и Дана понимала: небольшой прокол, и в очень скором будущем она может потерять и место заместителя окружного прокурора. Родители великовозрастных детишек-убийц не простили ей того, что она пыталась засадить их чад за решетку, и многие из них были чрезвычайно злопамятны. И, что еще хуже, чертовски влиятельны.

Она позвонила маме и сообщила, что попытается навестить её на следующей неделе. Дана никак не могла отделаться от мысли, что является неблагодарной дочерью – отец и мать приложили все усилия для того, чтобы она смогла отправиться в колледж и получить дорогостоящее образование. Отец умер семь лет назад, а с отчимом у Даны отношения не заладились: она не разговаривала ни с ним, ни с мамой уже больше двух лет. Но теперь придется найти общий язык с отчимом – ради мамы. Дана отправила им перевод на пять тысяч – этих денег должно хватить на первое время для курса лечения мамы.

В пятницу объявился «Зодиак». Все телеканалы сообщили о том, что некто прислал на вечеринку голливудского режиссера фильмов ужасов банку, в которой находилась голова Авроры Демарко, убитой в 1939 году. Знала Дана и о том, что некто, именовавший себя «Зодиаком», пробудившимся к жизни после семидесятилетней спячки, прислал в полицию письмо. И вот в воскресенье – новое крайне жестокое убийство: в номере отеля «Regal Biltmore» найдено обезглавленное тело русской писательницы-детективщицы Валерии Свентицкой.

И если бы только это! Фотография головы жертвы, отделенной убийцей от туловища, оставшегося в ванне, была прислана по почте в ФБР. К счастью, на месте преступления была задержана подозреваемая – секретарша литераторши, тоже с непроизносимой русской фамилией. Девушка, естественно, отрицала вину, заявляя, что не имеет отношения к смерти своей патронессы, однако многочисленные улики свидетельствовали об ином.

Окружной прокурор, шеф Даны, вызвал ее к себе в кабинет, едва стало известно об обнаружении тела в отеле.

– Хейли, – сказал он строго, – ты знаешь, что дело нового «Зодиака» сейчас у всех на устах. Секретарша внушает очень большие подозрения. Никому не нужно, чтобы газеты и телеканалы и дальше мусолили тему. Требуется процесс, короткий и с обвинительным приговором. Девушка убила свою хозяйку и попыталась представить все, как деяние «Зодиака». Улик более чем достаточно. Это – твой последний шанс. ФБР поможет тебе.

Когда Дана увидела спецagenta Кронина, то поняла: судьба решила нанести очередной удар. Когда-то со Стивеном у нее был роман, завершившийся весьма некрасиво: она обманула его с его же младшим братом. И хотя они были тогда студентами университета Беркли, и с тех пор прошло едва ли не пятнадцать лет, Стивен не забыл ту историю.

Дана поняла это сразу же, едва он вошел в ее кабинет. Они изредка сталкивались, и Стивен не отвечал на ее приветствия. А вот теперь им надлежало работать вместе. Он не изменился – такой же коренастый брюнет с кроткой стрижкой и презрительным взглядом.

– Стивен, рада тебя видеть... – начала Дана, однако спецagent Кронин резко прервал ее:
– Советник, мне поручено проинформировать вас о ходе расследования.

Так и есть, он никак не мог простить измены. Странно, со своим братом он давно помирился, а вот с ней не собирался. От Стивена веяло арктическим холодом. Дана поежилась. И все же, раз надо – она сработается и с ним.

– Разрешите представить спецаргента Айрин Мориарти, – продолжил Стивен, усаживаясь без приглашения в кресло.

Женщина лет тридцати семи, невысокая, с короткой стильной стрижкой выкрашенных под седину волос, в темно-синем костюме и белой блузке, протянула заместителю окружного прокурора руку. Рукопожатие ее было крепким. Дана обратила внимание на то, что ногти на руках у Айрин Мориарти коротко подстрижены и покрыты бесцветным лаком.

– Много о вас наслышана, – сказала Дана, указывая госте на второе кресло (Айрин была внучкой известного писателя, автора детективов Квентина Мориарти).

– Я о вас тоже, – ответила Айрин и, сверкнув темно-синими глазами, поставила на пол тяжелый кейс.

Её слова прозвучали двусмысленно. Дана ощутила, что от Айрин исходит волна плохо скрываеваемой неприязни. Если она спит со Стивеном, тогда понятно, отчего женщина так враждебно настроена, подумала Дана Хейли.

– Моя специализация – составление психологических портретов серийных убийц, – пояснила Айрин.

Впрочем, ей и не требовалось объяснять: послужной список внучки знаменитого писателя был очень хорошо известен Дана. Айрин, имевшая два докторских звания – в области психологии и судебной медицины – считалась одним из восходящих светил ФБР, ей прочили невероятную карьеру. И она уже успела отличиться, когда, опираясь на минимум фактов, составила психологические портреты нескольких серийных убийц, которые сыграли решающую роль в предотвращении новых преступлений и при задержании маньяков.

– Полиция арестовала русскую девуцу, секретаршу покойной писательницы, – продолжила Айрин Мориарти. – Но, по моему мнению, она не имеет к убийству и шумихе, связанной с обнаружением головы Авроры Демарко, ни малейшего отношения.

– Подобный вывод позвольте делать прокуратуре, – прервала ее Дана.

Айрин привыкла к тому, что ее слово оказывается последним. Однако сейчас она превысила свою компетенцию.

Вздыхнув, Айрин раскрыла кейс и извлекла из него пачку пожелтевших бумаг. Небрежно положила их на стол Даны Хейли и заговорила чуть насмешливо:

– Вам, госпожа советник юстиции, следует ознакомиться с историей шести убийств, совершенных «Зодиаком» в тридцатые годы. Тогда вы поймете, что Марина Подгорная – так, кажется, зовут русскую секретаршу – непричастна к смерти своей хозяйки.

– Она была задержана практически на месте преступления, – заявила Дана. – Свидетели видели, как она покидала номер госпожи Свентицкой. Ее руки, лицо и одежда были покрыты кровавыми разводами, и все указывало на то, что имела место борьба.

Стивен Кронин снисходительно улыбнулся.

– Только произошло это около половины первого дня, а согласно судебно-медицинской экспертизе, писательница была убита ночью, в промежутке между тремя и пятью часами. Задержанная вполне достоверно объяснила то, как она оказалась в номере Свентицкой.

Дана Хейли в раздражении заявила:

– Решать, предъявить ли ей обвинение, будет прокуратура. Не исключено, что девушка, совершив убийство ночью, еще раз наведася на место преступления днем, чтобы, к примеру, устранить какие-либо улики. Она сама призналась в том, что похитила у горничной карточку, при помощи которой попала в номер писательницы.

– И вы хотите предъявить ей обвинение по этому поводу? – съязвил Стивен.

Дана внезапно подумала: а ведь он все еще испытывает какие-то чувства к ней. Кто бы мог подумать! Ведь прошло без малого пятнадцать лет! Если так, то ясно, отчего он до сих пор не смог простить ее.

– Отпечатки задержанной были обнаружены на очень многих предметах в номере писательницы, в том числе и на месте преступления, в ванной комнате...

– Да неужели? – изумилась Айрин Мориарти. – Какая, право, убойная улика! Подгорная работала на Свентицкую, регулярно бывала у нее в номере и сама призналась в том, что пыталась вытащить тело из воды. Если бы она совершила столь кровавое убийство, то вряд ли бы стала несколько часов спустя возвращаться на место преступления, выдавая себя с головой.

В тоне спецагента Мориарти слышались покровительственные нотки. Еще бы, Айрин считает себя лучшей в своем роде, подумала Дана. Нет, похоже, она ошиблась, когда решила, что эта особа спит со Стивеном. По ней видно, что она полностью посвящает себя работе. А если с кем и отправляется в постель, то... то наверняка с женщинами. Что-то в её облике есть такое...

– А как же быть с отпечатками пальцев Марины Подгорной, обнаруженными на серебряном медальоне, который находился в сосуде с головой Авроры Демарко? – продолжила Дана, оборвав собственные мысли и чувствуя резкую антипатию к Айрин. Если дед был знаменитым писателем, американским Конан Дойлом, это вовсе не значит, что его внушка имеет право задирать нос!

– Вы сейчас сами косвенным образом признали то, что Подгорная невиновна, – мягким тоном откликнулась Айрин.

«Она разговаривает со мной, будто является директрисой, а я – напавшей школьницей», – мелькнуло у Даны сравнение, и советник юстиции саркастически усмехнулась.

– Неужели? Не могли бы вы объяснить мне, как вы пришли к столь поразительному выводу, спецагент Мориарти?

Айрин вздохнула.

– Медальон с изображением зодиакального знака Овна находился в сосуде с головой, что бесспорно. Вероятнее всего, он был помещен туда убийцей, «Зодиаком», еще в 1939 году. Режиссер, получивший ужасную посылку, разбил сосуд, его содержимое оказалось на полу зала для приемов в его вилле. Марина Подгорная сообщила, что увидела странный диск и подняла его, а затем положила обратно.

– Неубедительно, – возразила Дана. – А если бы у нее обнаружили оружие убийства, она бы тоже сказала, что «случайно» подняла его с пола?

– Советник, если бы на медальоне имелись отпечатки пальцев Марины до того, как он попал в формальдегид, то от них бы не осталось и следа, – вступил в разговор Стивен Кронин. – Следовательно, они возникли после того, как медальон оказался вне сосуда, что полностью совпадает с показаниями задержанной.

– Поэтому мы советуем прокуратуре не торопиться с предъявлением обвинения, – заключила Айрин. – Я уже имела возможность провести беседу с Мариной и уверена: она – не убийца.

– Вы сделали свой вывод на основании короткого допроса? – покачала головой Дана. – Похвально! Мы выпустим ее из-под стражи, а она скроется в неизвестном направлении?

Айрин извлекла из кейса картонную папку и положила ее на стол заместителя прокурора Хейли.

– Прошу вас ознакомиться, советник, – заметила она. – Все указывает на то, что Марина Подгорная, чей рост составляет сто шестьдесят два сантиметра, а вес – сорок семь килограммов, никоим образом не могла бы справиться с жертвой, которая была намного выше и гораздо тяжелее ее. Убийца, как следует из отчета, был высоким субъектом: на мраморных плитах обнаружены следы артериальной крови: он напал на Свентицкую со спины и перерезал ей горло.

Убийца был ростом никак не ниже метра семидесяти восьми, и это непреложный факт. Кроме того, Марина Подгорная ни за что бы не смогла справиться с телом писательницы – уложить его в ванну и отрезать голову. Она была отсечена, кстати, весьма профессионально, убийца явно обладает отличными познаниями в анатомии.

Дана, хмурясь, пролистав отчет. Шеф послал ее в бой, зная, что они проиграют.

– Адвокат госпожи Подгорной разобьет ваши обвинения в пух и прах, – сказал Стивен Кронин. – Вам ведь известно, советник, что защищать Подгорную вызвался Денни Сазерленд, один из самых известных юристов Западного побережья?

– Адвокат мафии... – протянула Дана. – Именно он представлял интересы Китайца...

Тогда его подопечному не повезло – его признали виновным. И откуда у этой Марины столько денег, чтобы оплатить услуги Сазерленда? Он ведь берет астрономический гонорар.

– Когда речь идет о столь шумном деле, он отказывается от денег, – пояснила Айрин, будто уловив мысли заместителя прокурора. – Вы же сами сказали: Сазерленд обычно работает на мафиозных боссов и проворовавшихся крупных менеджеров, поэтому он может позволить себе взяться за громкое дело, и не надеясь на получение гонорара, а ради поддержания своей славы.

– Или, значит, за Подгорной стоит русская мафия, – заявила упрямо Дана Хейли.

Стивен Кронин вздохнул.

– Ну тогда, советник, вам следует найти этому доказательства. А пока у вас нет ни одной мало-мальски приемлемой улики, с которой вы можете выйти на процесс. И кроме того... – Он обменялся взглядами с Айрин и продолжил: – Тот, кто отправил в ФБР послание по электронной почте, причастен к смерти русской писательницы. Он упомянул, что ее тело нужно искать в ванне. Весь вопрос в том, кто решил возобновить серию «зодиакальных» убийств?

«Зодиакальные» убийства... Ну еще бы, подумала Дана, ведь дед Стивена был «тем самым Крониным», самым известным полицейским в Калифорнии в двадцатые, тридцатые и сороковые годы... Инспектор Лайонел Кронин был легендарной личностью. Благодаря его проницательности были раскрыты сотни преступлений, в том числе арестован «Зодиак».

– Марина Подгорная, и тут вряд ли стоит сомневаться, не была причастна к деяниям тех лет, – сказала Айрин. – И узнать подробности дела она никак не могла.

– Так что вы хотите сказать? Убийца – не кто иной, как легендарный «Зодиак»? – в изумлении подняла брови Дана. – Ведь ваш дед, спецгент Мориарти, придерживался точки зрения, что Джек Тейлор невиновен. А ваш дед, спецгент Кронин, утверждал обратное и без колебаний отправил его на электрический стул.

– Это сделали присяжные, советник, – поправил Дану Стивен. – Я изучал дело «Зодиака», и мои выводы совпали с выводами моего деда. Я считаю, что Джек Тейлор и был «Зодиаком» и был казнен заслуженно. Айрин, ваш дед был, увы, не прав!

Айрин Мориарти с жаром откликнулась:

– Я тоже детально ознакомилась с отчетом по убийствам, совершенным «Зодиаком», и не сомневаюсь в том, что прав был ваш дед, инспектор Кронин: Джек Тейлор виновен. Смехотворно думать, что кто-то свалил на него вину, сделав козлом отпущения. Да, мой дед, Квентин Мориарти, ошибался.

Стивен Кронин повернулся к Дане.

– Советник, удерживать Марину Подгорную под стражей больше нет смысла. Выпустите ее и откажитесь от предъявления ей обвинения.

– В этом наши точки зрения совпадают, – поддержала его Айрин Мориарти. – Первый «Зодиак», Джек Тейлор, мертв...

– Соглашусь с вами в том, что Тейлор мертв, и он был «Зодиаком», – сказал Стивен. – Ваш дед заблуждался.

– Да, к большому сожалению, мой дед заблуждался. Он попался на удочку Тейлора и пытался до последней секунды спасти его жизнь, – вздохнула Айрин. – Но тот, кто совершил новое убийство, по моему мнению, на одном не остановится. «Зодиаком» было убито шесть человек...

– Некоторые считают, что восемь, – вставил Джек. – Включая Тейлора и ту, в чью честь были названы вы – секретаршу вашего деда, Ирину Мельникофф. Она ведь пропала в ночь казни Тейлора, и никто не знает, что с ней произошло.

Возникла недолгая пауза. На лбу Айрин появились морщины, она тихо сказала:

– Это не имеет к делу «Зодиака» ни малейшего отношения.

– Я тоже так думаю. Но Ирина была уверена, что напала на след истинного убийцы при помощи одного из своих знаменитых видений...

– Чушь! – отрезала Айрин. – Я верю фактам, а не мистике. Не исключаю, что Ирина Мельникофф стала жертвой преступления, скорее всего, убийства, но оно не имеет к «Зодиаку» ни малейшего отношения. К моменту ее исчезновения Джек Тейлор был уже мертв. Но как бы там ни было, тот, кто убил русскую писательницу, решил отчего-то продолжить «зодиакальный цикл». В 1938 – 1939 годах «Зодиаком» были убиты шесть человек. Все они были выбраны в соответствии с их астрологическими параметрами. Так, в 1938 году были лишены жизни люди, родившиеся под знаками Тельца, Близнецов, Весов, Скорпиона, в 1939 году – Рыб и Овна. Новая жертва, госпожа Свентицкая, была по знаку Зодиака Львом. Предполагаю, что новый «Зодиак» решил довести до конца деяния Джека Тейлора и, убив ещё пять человек, как бы уничтожить прочие шесть знаков. И мы должны сконцентрироваться на том, чтобы поймать безумца до того, как он совершит новое убийство.

Наконец, спецагенты откланялись. Первой из кабинета Даны вышла Айрин. Стивен чуть задержался. Дана рискнула и спросила его:

– Ты, наверное, все еще не можешь простить мне...

Спецагент Кронин уставился на нее, и в его глазах мелькнул гнев. Стивен протянул:

– Советник, не понимаю, о чем вы... Не думаю, что нам стоит общаться, кроме как работая над новым делом...

Дана смутилась. Она не могла отделаться от ощущения, что Стивен обманывает ее.

– Я знаю, что должна была сказать это еще тогда, пятнадцать лет назад. Но мне ужасно жаль... Я не хотела причинить тебе боль. Поверь мне, я ценю твои чувства...

Стивен подхватил портфель и холодно произнес:

– Советник, желаю вам всего наилучшего.

И вышел из кабинета, с размаху захлопнув дверь. Так и есть, он еще обижен на нее и (Дана была почти уверена) все еще любит ее. Или, по крайней мере, испытывает некие чувства, которых сам стыдится.

Настало время доложить обо всем шефу.

Окружной прокурор, выслушав доклад Даны, согласно закивал:

– Хейли, если ФБР считает, что русская девица невиновна, то мы не собираемся противоречить им. Выпустите ее.

И опять ей поручили неприятную миссию! Дана попросила привести Марину Подгорную в комнату для допроса. Несколько минут через затемненное стекло она наблюдала за задержанной – невысокой, рыжеволосой особой с хитрым выражением лица. Да, на убийцу она никак не тянет. Да и допросы ее ничего не дали – Марина отвечала на все вопросы, даже на те, которые, по мнению ее адвоката, не имели отношения к делу. Да еще постоянные звонки из русского посольства в Вашингтоне...

Дана зашла в комнату для допросов, Марина робко улыбнулась. Адвокат Сазерленд, как всегда в сшитом на заказ костюме, с ярким стильным галстуком, воскликнул:

– Какая приятная неожиданность, советник Хейли! Судя по кислому выражению вашего лица, вы пришли, чтобы сообщить моей клиентке: она свободна.

Игнорируя адвоката, Дана обратилась к Марине:

– Мисс Подгорная, с вас снимаются все обвинения. Вы можете быть свободны, однако до окончания расследования вы не должны покидать Лос-Анджелес и Соединенные Штаты.

– Прокуратура, я уверен, позаботится о том, чтобы моя клиентка своевременно получила продление своей визы? – поинтересовался сияющий Сазерленд. – Причем все расходы, разумеется, будет нести ваше ведомство, советник.

Дана на дух не выносила подобный тип защитников. Однако знала, что любая фраза может быть в дальнейшем использована против нее, поэтому сейчас прикидывала, какие слова выбрать.

– Моя клиентка серьезно раздумывает над тем, не подать ли ей иск против генеральной прокуратуры и вас лично, – продолжил Сазерленд.

– Это ваше право, однако и полиция, и прокуратура выполняли свои обязанности, – ответила Дана.

Адвокат и Марина подошли к двери. На пороге Сазерленд обернулся:

– Не хотите ли вы сказать моей клиентке еще что-либо, советник? Например, принести официальные извинения?

Дана вздохнула.

– Мисс Подгорная, нам очень жаль, что вы оказались под стражей.

– Вам жаль, что обвинение не подтвердилось? – попытался подловить ее Сазерленд.

Но Дана, не поддаваясь на провокацию, вышла из комнаты для допросов.

Вернувшись в свой кабинет, она погрузилась в кресло и раскрыла пожелтевшую папку, оставленную Айрин Мориарти. Дело «Зодиака». Надо отдать должное внучке писателя – вероятнее всего, она права, и новый «Зодиак» решил довести до конца деяния старого. В таком случае потребуются внимательно изучить события прошлых лет: не исключено, что там найдется зацепка, которая приведет к убийце русской писательницы.

Дана перевернула первую страницу и, надев очки, принялась за изучение событий семидесятилетней давности. От изучения документов ее оторвал телефонный звонок.

– Советник Хейли? – услышала она глубокое прокурорское контральто. – Это ведь вы занимаетесь делом «Зодиака»?

– С кем я говорю? – задала в свою очередь вопрос Дана. Голос показался ей смутно знакомым.

– Мадам Матильда, – ответила собеседница.

Дана вспомнила: ну как же, известная (в определенных кругах) предсказательница, гадалка и ворожея, обладающая, по собственным уверениям, даром ясновидения. Полиция обращалась к ней в особо запутанных случаях, и в паре случаев преступник был пойман, как утверждала мадам Матильда, благодаря ее магическому дару. Дана несколько раз встречалась с этой особой и считала ее обыкновенной шарлатанкой, которая желала одного – оказаться в центре внимания и разрекламировать себя и свой салон.

– Чем обязана? – спросила Дана весьма нелюбезно. – Я сейчас очень занята, так что прошу вас, мадам Матильда, сообщить обо всем как можно более сжато.

В трубке загудел голос ясновидящей:

– Мне все открылось! Сегодня ночью у меня было видение. Я знаю, кого он выберет своей новой жертвой! Он, «Зодиак»...

Марина Подгорная

Адвокат Сазерленд полностью оправдывал свое реноме «продажной шкуры» и «улыбающейся акулы». Импровизированное интервью, которое он дал на ступеньках здания прокуратуры Лос-Анджелеса, показывали в прямом эфире по Си-эн-эн, Эн-би-си и Фокс Ньюс. И в центре внимания кроме самого велеречивого мерзавца была и я, бедная-разнесчастная секретарша убитой мадам Свентицкой.

Меня арестовали в отеле – наряд полиции, вызванной кем-то из персонала, скороговоркой зачитал мне права и, нацепив наручники, вывел через холл, в котором толпились и глазели постояльцы, к машине с мигалками.

Я плохо соображала, что произошло, перед глазами все стояла жуткая картина: обезглавленная Валерия Артуровна в ванне и залитый кровью мраморный пол. Я отчего-то вообразила, что полицейские взяли меня с собой в качестве главной свидетельницы – имеются же программы по защите важных информантов. И я, ничтоже сумняшеся, причислила себя к подобным персонам. В американских триллерах обычно показывают, что прелестную героиню (ну точно я!), решившуюся дать показания против мафиозного босса, охраняет группа полицейских, которых убивают злобные киллеры. Героиню в последний момент спасает мускулистый красавец, с которым она занимается любовью на месте побоища, а затем оба ретиво убегают от шоблы киллеров.

Прозрела я тогда, когда меня запихнули в камеру для допросов и стали по полной программе обрабатывать полицейские, требовавшие сознаться в том, что я убила мадам Свентицкую. У них даже имелся сотрудник, отлично говоривший по-русски.

Человеком, спасшим меня, был вовсе не мускулистый красавец, а Дэвид Сазерленд, с которым я даже под непосредственной угрозой смертной казни не согласилась бы заняться любовью. Он вошел в комнату для допросов и спас меня от полицейских, заявив, что он – мой адвокат и что я не собираюсь давать показания.

Потом со мной беседовала дама с короткой седой стрижкой и стальным блеском в глазах, кажется, профайлер, в чьи обязанности входило установить, являюсь я маньяком или нет. А после появилась фифочка-брюнетка с бледным лицом, которая заявила, что я могу катиться на все четыре стороны.

Мистер Сазерленд повез меня в ресторан (надо отдать ему должное – он не потребовал с меня ни цента за свои услуги). Там нас накормили и напоили по высшему разряду, и только позднее я узнала, что ресторан принадлежит крупному итальянскому мафиозо, которого Дэнни (так я называла своего защитника) спас от газовой камеры.

– Вот что, милая моя, – сказал Дэнни, и его рука, украшенная платиновой печаткой, легла мне на коленку, – делай, как я говорю, и у тебя не будет проблем.

О, сколько раз я слышала подобную фразу в родном издательстве! Обычно ее обращали к начинающим авторам. Как-то я произнесла ее в адрес мадам Свентицкой, на что та вспыхнула и заявила, что ей, примадонне российской беллетристики, никто не смеет указывать, как себя вести и что говорить. Да, Валерия Артуровна – чрезвычайно сложный человек. Вернее, была таковым.

Я думала, что меня немедленно вышлют из Штатов, но вместо этого Дэнни сообщил: пока надо, наоборот, остаться в Лос-Анджелесе.

– Но где я буду жить? – спросила я. Издательство, до глубины души потрясенное убийством мадам Свентицкой, в лице генерального заявило, что не собирается более оплачивать номер в дорогом отеле.

У Дэнни, как всегда, ответ был наготове:

– Пара моих приятелей, ведущих журналистов, возьмут у тебя интервью. И они за него заплатят. Но – восемьдесят процентов мне, двадцать тебе.

Грабеж среди белого дня! Но мне не оставалось ничего иного, как дать согласие. Дэнни обеспечил мне номер в шикарном отеле (не в том, где отрезали голову мадам Свентицкой) и заявил, что сделает из меня «звезду».

Однако наиболее радостным событием стало для меня посещение Эдика – Эдуарда Холстона, красавца-журналиста, завладеть сердцем которого мне теперь не мешала назойливая Лера. Скажу честно, что я не особенно горевала по поводу кончины моей патронессы. Я придерживалась точки зрения монахов ордена траппистов, которые приветствовали друг друга словами «Помни о смерти!». Рано или поздно мадам Свентицкая все равно скончалась бы. Смерть – естественный и, увы, неизбежный конец для всего живого. Конечно, родное издательство предпочло бы, чтобы он наступил лет через восемьдесят пять, после выхода в свет, скажем, семьсот тридцать девятой книги Валерии Артуровны, однако пути Господни неисповедимы.

– Привет, – сказал журналист.

Я бросилась к нему на шею и, не удержавшись, разрыдалась. Мой трюк сработал (ведь Эдик и не подозревал, что я когда-то училась в театральном), принялся утешать меня, уверяя, что самое ужасное осталось позади.

Меня же интересовало то, что было у нас впереди. И, изображая из себя хрупкую, сломленную женщину (мужчинам, как говаривала моя бабушка, надо дать возможность почувствовать себя рыцарями), позволила отнести себя на кушетку. Если бы Эдик проявил чуть больше напора, то мы бы слились с ним в поцелуе, однако его занимало в первую очередь мое самочувствие, а также то, что я намерена делать.

– Мне предписано сидеть в Лос-Анджелесе до особых распоряжений, – сообщила я, принимая из рук Эдика стакан с водой.

Он заботливо укутал меня пледом, и я подумала: а вот никуда милому журналисту от меня не деться. То, что не успела сделать мадам Свентицкая, чье обезглавленное тело теперь покоилось в одном из моргов «города ангелов», довершу я, ее секретарша.

– Ваша прокуратура опасается, что если отпустит меня обратно в Москву, а потом выяснится, что убийца – все же я, то меня ей никогда не выдадут, – произнесла я трагическим голосом. – На моей родине запрещено экстрадировать граждан России, в чем бы они ни обвинялись. А ваши прокуроры, в особенности приткая Дана Хейли, так и хотят увидеть меня в газовой камере.

Я снова зарыдала, и Эдик принялся утешать меня. Манипулировать мужчинами так легко! Впрочем, не всеми: мой бывший муж к этой категории не относился. Понимая, что не стоит перебарщивать со слезами, я высморкалась с салфетку, заботливо протянутую Эдиком, и сказала:

– Так что пока я буду сидеть в номере отеля и ждать, когда же мне позволят отправиться обратно в Москву.

– Надо сказать, что на человеческую долю выпадали и гораздо более ужасные испытания, чем задержаться на неделю-другую в Калифорнии, – заметил иронично Эдик. Малыш был прав. Тем более что я знала: мне предстоит провести их с ним.

– Все только и говорят, что о «Зодиаке», – продолжил Эдик.

– И ты имеешь к этому самое непосредственное отношение, – сказала я, и журналист, слегка покраснев (румянец делал его еще более неотразимым!), захлопал длинными ресницами и фальшиво удивился:

– Что ты имеешь в виду?

– Ну как же... – Я выудила из пачки газет один из бульварных листков. – Вот твой опус о последних часах жизни великой писательницы Свентицкой и о происшествии во время приема у режиссера фильмов ужасов...

Почти все факты в статье были перевернаны, мадам Свентицкая представлена в виде тридцатилетней длинноногой красавицы, а я сама – в роли роковой соблазнительницы с волосами цвета червонного золота.

– Ах, это... – произнес с легкой улыбкой Эдик. – Что ж, так я зарабатываю на жизнь. А теперь поведай мне обо всем, что с тобой произошло. Завтра я напишу сногшибательную статью...

– Вопросами оплаты за интервью со мной ведаёт Дэни Сазерленд, – сказала я.

Эдик мгновенно приуныл. Еще бы, хваткий адвокат требовал непомерные гонорары за беседу со мной! А ведь я привыкла к тому, что это журналистам надо прилично заплатить, дабы они напечатали хотя бы строчку о мадам Свентицкой и ее новой книге.

– Но для тебя я сделаю исключение, – проворковала я. Разве я могла разочаровать красавца Эдика? Конечно же, нет!

Он записал мое повествование на цифровой диктофон и, когда я завершила рассказ, сообщил:

– А теперь я поделюсь с тобой своей информацией, Марина. Мне стало известны детали о новой жертве «Зодиака».

– Как такое возможно? – шокированно спросила я.

Эдик пояснил:

– Я же тебе говорил, что у меня везде имеются свои информанты. У нас, в Калифорнии, полиция при расследовании запутанных дел, в особенности, когда речь идет об исчезновениях, обращается к помощи ясновидящих.

– А, слышала об этом... – протянула я. – Какая-нибудь колдунья заявляет, что пропавшая школьница находится в глубоком и сыром месте, и тело обнаруживают в колодце. Или что убийца ездит на красном фургоне, и полиция, проверив всех владельцев подобных транспортных средств, выходит на след преступника.

– Именно так, – подтвердил Эдик. – В суде, к сожалению, подобные доказательства не допускаются. Да и не все шерифы используют ясновидящих. – Даже у нас, в Калифорнии, где возможно практически все, к этому относятся настороженно, не говоря уже о других штатах. Так вот, мне стало известно, что некая мадам Матильда, уже не раз помогавшая полиции в расследовании, увидела некие детали еще не состоявшегося преступления – нового убийства «Зодиака».

– Остается надеяться, что я буду как можно дальше от того места, где свершится убийство, потому что снова оказаться в полиции у меня нет желания. А мадам Матильде можно доверять? И что, собственно, ей привиделось?

– Я пару раз разговаривал с ней. Она из породы экзальтированных медиумов или как там это все называется, – продолжил Эдик, и я поняла, что он, как и я сама, не особенно верит в подобные вещи. – Однако она способствовала поимке нескольких убийц и нахождению без вести пропавших, так что к ней стоит прислушаться. Да и кроме того... Ведь в деле первого «Зодиака» тоже имелась своего рода ясновидящая.

– Мне это неизвестно! – И я попросила Эдика рассказать в подробностях.

– Айрин Мориарти, та самая специалист по составлению психологических портретов серийных убийц, что беседовала с тобой, является внучкой Квентина Мориарти, известного автора детективов...

– Обожаю его книги! – вставила я.

– Дедушка оставил Айрин и ее матери, своей приемной дочери, более чем приличное состояние, которое принесли ему романы и рассказы, а также экранизации его произведений.

Наша Айрин – миллионерша, и она могла бы жить на широкую ногу на одни проценты с состояния дедушки, однако безделью предпочла работу в ФБР. Так вот, у Квентина Мориарти была секретарша и помощница по имени Ирина Мельникофф, как и ты, русская по происхождению. Айрин, кстати, была названа в ее честь. Эта Ирина и Мориарти были уверены, что Джек Тейлор невиновен и кто-то свалил на него вину за убийства, совершенные «Зодиаком». По их мнению, истинный убийца остался на свободе. Ирина обладала бесспорным даром – время от времени у нее бывали странные видения, которые помогали раскрывать преступления. Ведь Квентин Мориарти являлся не только писателем, автором криминальных романов, но и как хобби расследовал подлинные преступления.

– Судя по тому, что Джека Тейлора казнили, они не сумели доказать его невиновность, – вздохнула я.

Эдик подтвердил мои сомнения.

– Да, несмотря на предпринятые ими поиски, найти убийцу и спасти Тейлора не удалось. Инспектор Кронин, дед агента ФБР Стивена Кронина, занимающегося делом нового «Зодиака», вел расследование. Он был враждебно настроен и к Квентину Мориарти, и к Джеку Тейлору. Выступая на суде, он заявил, что не сомневается в виновности Джека, и его заявление произвело большое впечатление на общественность: инспектор Кронин был в те годы чрезвычайно известной личностью.

– А что произошло с Ириной, секретаршей писателя? – спросила я. – Похоже, история повторяется – тогда расследованием занималась одна помощница литератора, теперь тем же займется другая. Правда, моя хозяйка убита.

– У Квентина Мориарти совершенно иная судьба, – задумчиво ответил Эдик. – Он был чрезвычайно успешным писателем, любимцем публики и критики, и скончался в почтенном возрасте под восемьдесят в 1961 году. «Зодиак» к его смерти, последовавшей от естественных причин, не имеет ни малейшего отношения. А что касается Ирины Мельникофф...

Эдик на мгновение смолк, и я поняла: ее судьбе не позавидуешь.

– Доподлинно известно одно: она пропала вечером того дня, когда казнили Джека Тейлора. После экзекуции, свершившейся в двадцать один час 27 января 1940 года, она и Квентин Мориарти вернулись домой. Ирина плохо себя чувствовала – она потеряла сознание во время казни. Писатель сообщил, что у нее было видение. Чтобы рассказать о нем, он немедленно отправился на встречу с инспектором Крониным, однако разминутся с ним – по неизвестной причине инспектор не пришел на randevu. Когда Квентин Мориарти вернулся домой около часа ночи, он никого там не обнаружил. На всякий случай оповестил полицию об исчезновении секретарши, хотя ничто не указывало на похищение или разбойное нападение. Ирина попросту испарилась. Удалось выяснить, что она заказала такси, которое отвезло ее к одному из заброшенных особняков на бульваре Сансет. Водителя допросили, однако ничто не указывало на его причастность к исчезновению Ирины. Как ни старался Квентин Мориарти отыскать свою секретаршу, он ничего не мог поделать. Да и инспектор Кронин не особенно помогал ему: он был уверен, что Ирина бежала из Лос-Анджелеса с каким-нибудь молодчиком.

От рассказа Эдика мне сделалось страшно.

– Ее наверняка убили! – выпалила я.

Журналист, вздохнув, подтвердил мои опасения.

– Около особняка была найдена шляпка, принадлежавшая Ирине, а также ее сережка. Все указывало на то, что там имела место ожесточенная борьба. Однако тело не было обнаружено, поэтому не имело смысла говорить об убийстве. Но косвенные улики указывали именно на преступление. Квентин Мориарти чрезвычайно горевал. Он пытался разыскать Ирину или людей, знавших, что с ней произошло, объявил колоссальную для того времени награду – сто пятьдесят тысяч долларов, опросил не меньше трех сотен потенциальных свидетелей, но все усилия оказались напрасны. О судьбе его секретарши с тех пор ничего не известно. Двадцать лет,

которые прошли между исчезновением Ирины и смертью Квентина Мориарти, были, пожалуй, самыми тяжелыми в его жизни. Его литературная звезда клонилась к закату, он написал всего несколько романов, посвятив себя своим новым обязанностям – писатель взял на воспитание девочку, которую назвал Ириной. По всей видимости, Квентин Мориарти так до конца и не смог преодолеть шок, который у него вызвало исчезновение секретарши. Приемная его дочь выросла, родила ребенка. Так в итоге на свет появилась Айрин, та самая особа, которая тебя допрашивала. Она считается одним из лучших профайлеров в стране.

– Получается, что все повторяется, – задумчиво ответила я. – Внучка писателя и внук инспектора по-прежнему занимаются расследованием убийств, совершенных «Зодиаком». Логично предположить, что новый маньяк тоже является отпрыском первого убийцы, действовавшего в тридцатые годы. Я не верю официальной версии, гласящей, что маньяком был несчастный казненный Джек Тейлор.

– И я тоже, – кивнул Эдик.

Я с благодарностью взглянула на красавца-журналиста и продолжила:

– Но тогда получается, что мы должны срочно заняться расследованием! Ибо остановить нынешнего убийцу можно одним только способом – узнать, кто был «Зодиаком» тогда.

Эдик восхищенно воскликнул:

– И как я сам до этого не додумался, Марина! Однако следствие давно завершено, дело сдано в архив.

– А у тебя нет возможности раздобыть старые документы?

– Пожалуй, я смогу это сделать, – задумался Эдик. – Кроме того, о «Зодиаке» было написано много книг и снято несколько фильмов. Только во всех убийцей оказывался небезызвестный Джек Тейлор.

– Вот что. Мы заново подвергнем анализу события того времени и проведем собственное расследование, пусть и почти семьдесят лет спустя. И нападём на след истинного убийцы! – заявила я. – Представь, что будет, если выяснится: «Зодиак» все еще жив. Тогда он понесет наказание за совершенные злодеяния и расскажет о том, что сделал с Ириной Мельникофф.

Наш разговор прервал звонок мобильного телефона Эдика. Коротко переговорив, он сообщил:

– Звонила мадам Матильда, о которой я тебе рассказывал. Она готова принять нас через час. Похоже, ты права, Марина, и связь существует не только между убийствами – новый «Зодиак» продолжает серию, начатую старым, – но и между убийцами.

– Может, сообщить о наших догадках Айрин Мориарти? – спросила я. – Она же занимается расследованием. Или спецагенту Кронину.

– Или заместителю окружного прокурора Дане Хейли, – добавил Эдик.

Но тут я злобно воскликнула:

– О нет, эта особа от меня ничего не получит! Ведь она обращалась со мной, как с убийцей, и даже не соизволила как следует извиниться!

– Сначала давай-ка узнаем, какой информацией располагает мадам Матильда, и потом решим. А если честно, то я не думаю, что Айрин Мориарти или Стивен Кронин будут безумно рады, если узнают, что мы тоже решили приняться за расследование. Для них мы всего лишь дилетанты.

– Дилетантов всегда опасно недооценивать, – усмехнулась я. – Если твоя гадалка ждет нас, то в путь!

– Только прошу, не называй ее так в глаза, – сказал Эдик. – Мадам Матильда чрезвычайно эксцентричная особа, с ней нелегко работать, однако она обладает подлинным даром.

В конечном счете мне было плевать, что мы отправлялись в гости к ясновидящей: для меня решающим было то, что я находилась рядом с Эдиком. Ничто не сплачивает так, как совместное расследование. Подобный сюжет часто в разных вариациях повторялся в рома-

нах покойной Валерии Артуровны Свентицкой: молодая девица, влюбленная по уши в серьезного бизнесмена, занимается на пару с ним расследованием убийства, и в финале романа они, конечно же, становятся мужем и женой.

Усевшись в потрепанный «Порше» Эдика, я подумала: если он сделает мне предложение, я не отвечу отказом. Конечно, мне придется серьезно поработать и подвести журналиста к столь простой и одновременно гениальной мысли, однако никуда он от меня не денется. Тем более что конкуренция в лице мадам Свентицкой мне уже не грозит.

Мы мчались по главной трассе Голливуда – бульвару Сансет. Светило яркое солнце, по тротуару прогуливались разодетые дамочки с собачками, и мы находились в самом сумасшедшем месте на Земле. Эдик рассказывал мне о каком-то деле, в котором мадам Матильда задействовала свой феноменальный дар, но я не очень внимательно слушала. Для меня было достаточно, что Эдик со мной. Вот стану его супругой, перееду в Лос-Анджелес, работа на мадам Свентицкую останется в далеком прошлом... И на нас свалится большое богатство – еще бы, книга, в которой мы (вернее, Эдик под моим чутким руководством) изложит все перипетии дела «Зодиака» и раскроет имя истинного убийцы, как в прошлом, так и в настоящем, станет супербестселлером и принесет нам миллионы. Я уже представляла себе брачную церемонию и разглядывала виллы на холмах, выбирая для нас подходящий домик.

Мы свернули с широкого бульвара Сансет на узкую улочку и остановились около невзрачного серого здания с запыленными окнами и вывеской: «Мадам Матильда – предсказание судьбы всеми способами».

Эдик галантно открыл дверцу и подал мне руку. Ну что же, еще немного, и красавец падет к моим ногам. Не сомневаюсь, что у него великое множество подружек и что он привык к холостяцкой жизни, но от меня он не уйдет!

Мы приблизились к стеклянной двери, на которой висела табличка «Закрито». Вот те на! Куда же подевалась ворожея?

Пришлось достаточно долго нажимать на кнопку звонка – в недрах салона раздавалась переливистая трель. Наконец за дверью мелькнула тень, послышался звук поворачиваемого ключа, и я услышала глубокое женское контральто, произнесшее с упреком:

– Как вы можете отвлекать меня от общения с астральным миром!

– Мадам Матильда! – воскликнул Эдик умоляюще. – У нас имеется с вами договоренность! Меня зовут Эдвард Холтон, я журналист. Мы только что говорили с вами по телефону!

Дверь приоткрылась, в лицо мне ударил запах крепких сигарет, давно вышедших из моды духов и пыли. На пороге возвышалась самая странная особа, которую мне когда-либо приходилось видеть – мадам Матильда. Для женщины она оказалась чрезвычайно высока, к тому же полнотела и могла похвастаться гигантским бюстом. Гадалка была облачена в некое подобие переливающегося всеми цветами радуги балахона, который шуршал и изменял оттенок при малейшем движении. Дряблую белую шею украшали многочисленные цепочки со странными кулонами, ожерелья из тусклых полудрагоценных камней, также гремевшие при каждом повороте туловища. Лицо мадам Матильды было покрыто толстым слоем косметики – здесь были белила, румяна, губная помада, ярко-синие глаза обрамляли длинные и наверняка фальшивые ресницы. На плечи дамы спадали неестественно черные локоны.

– Рада приветствовать вас в моей скромной обители! – произнесла особа, сменив гнев на милость, и пропустила нас в салон. – Вынуждена принести извинения за свои слова – я до такой степени погрузилась в общение с потусторонним миром, что напрочь забыла о вашем визите.

В правой руке, украшенной алыми, хищно загнутыми накладными ногтями, мадам Матильда держала нефритовый мундштук, в котором тлела сигара. На каждом из ее пальцев сияло по крайней мере по два перстня – некоторые из них имели необычную форму – черепа, скарабея, паука.

Дверь, тихо звякнув, захлопнулась за нашими спинами. Я поежилась и пожалела, что отправилась в гости к какой-то чокнутой особе – в том, что Матильда сумасшедшая, у меня уже не было ни малейших сомнений. Кто еще станет так наряжаться и на полном серьезе уверять, что беседует с посланцами другого мира?

Большая комната, в которой мы находились, была уставлена антикварной мебелью, стены увешаны картинами и гравюрами со странными сюжетами – колдуньи на шабаше; демоны, преследующие свои жертвы; ведьмы на метлах... Раздалось мяуканье – около моих ног возник преогромный черный котище с сияющими зелеными глазами. Он потерся о ноги Эдварда, а на меня зашипел. «Сгинь, нечисть!» – подумалось мне, и я пригрозила коту кулаком.

– Прошу вас в мой кабинет! – произнесла мадам Матильда и, приложив к губам нефритовый мундштук, затянулась.

Было сложно сказать, сколько ей лет: дама явно не первой свежести, в определении ее возраста я остановилась на промежутке от пятидесяти до семидесяти.

Гуськом мы прошествовали через несколько комнат и, миновав колыхающуюся занавеску, оказались в небольшом помещении. Посреди него находился круглый стол, застеленный черной бархатной скатертью, на котором возвышался хрустальный шар и лежала колода карт. Вдоль стен тянулись застекленные шкафы – в глаза мне бросились странные экспонаты: книги по магии на разных языках, несколько массивных распятий, деревянные и каменные фигуры страшилищ, глобус и даже пожелтевший череп. Я потрепала череп по загривку, мадам Матильда произнесла:

– Это все, что осталось от одного из великих магов Атлантиды!

– Так Атлантиды же никогда не существовало! – возразила я, на что гадалка только хмыкнула. Я схватила нечто, напоминавшее сморщенный корнеплод. Только рассмотрев глаза, нос и рот, немедленно положила жуткую штуковину на место.

– Засушенная человеческая голова, – пояснила колдунья. – Используется для некоторых ритуалов вуду. А это не трогайте!

Вовремя она предупредила – моя рука уже тянулась к каменному изваянию. Ка-кое-то чудовище, помесь тигра, человека и крокодила, с глазами из сверкающих камней, что походили на большие рубины.

– Божество сновидений индейцев племени дольмеков из Южной Америки, – сообщила гадалка. – Если вы дотронетесь до него, то потеряете способность засыпать и умрете в страшных мучениях через несколько недель.

Черт знает что, причем в буквальном смысле! Я ни на йоту не верила в подобные штучки-дрючки, однако поостереглась дотрагиваться до индейского божка. Кто знает, что и впрямь может случиться? Надо отдать должное гадалке – она неплохо обставила свою резиденцию: на экзальтированную личность такой интерьер должен производить сильное впечатление.

– Желаете что-либо выпить? – спросила хозяйка салона и, не дожидаясь ответа, удалилась в смежное помещение.

Я приблизилась к столу, вокруг которого стояли резные кресла с высокими спинками, и осторожно опустила около Эдика.

– Мне тоже было не по себе, когда я впервые здесь оказался, – глянул на меня понимающе журналист.

Интересно, а чем собирается нас потчевать колдунья? Настойкой белладонны или коктейлем из сушеных тараканов? На стол вскочил кот, тот самый черный монстр, которого я уже видела.

– Брысь! – шикнула на него я и попыталась спихнуть животное на пол. Терпеть не могу, когда домашние животные лезут на стол или в постель. Но котище утробно заурчал и, прижав уши, недовольно фыркнул. Не успела я и глазом моргнуть, как он замахнулся на меня когтистой лапой.

– Армагеддон! – раздался зычный голос мадам Матильды, и кот, только что готовый, кажется, растерзать меня в клочья, прыгнул со стола. Гадалка поставила серебряный поднос, на котором возвышались три бокала с жидкостью цвета свернувшейся крови. Взяв свою порцию, я осторожно понюхала ее и, заметив плавающие сверху листочки и тычинки, решила, что не буду это потреблять – кто знает, что за дрянь намешала предсказательница.

Эдик же, к моему удивлению, отпил из своего бокала и шепнул мне:

– Отлично утоляет жажду. Сделано по рецепту древних ацтеков.

Мадам Матильда с наслаждением затянулась и заговорила, устремив на меня неподвижный взор:

– Я читала о тебе. Полиция подозревала тебя в убийстве писательницы, ведь так?

Я поперхнулась напитком, оказавшимся на вкус чем-то похожим на скисший лимонад, и ответила:

– Об этом не говорит только ленивый.

– Дай мне свою руку! – потребовала мадам Матильда, и я в нерешительности взглянула на Эдика. Тот кивнул, тогда я обречённо подала гадалке ладонь. Она внимательно изучила линии на ней и хмыкнула: – Линия жизни пересекается в самом начале с линией ума – у женщин такое редко встретишь. Юпитер смещен вниз, в сторону большого пальца – сильное влияние семьи. Шатровая арка на Аполлоне – ты эстетка. Но не убийца. Так, так, так...

– Я это и так знаю, – буркнула я обиженно. – И вообще, что мы здесь делаем? Вы вроде бы знаете, кем станет новая жертва. Кто, кроме убийцы, может такое знать? И что еще вы на моей ладони увидели? Что я выиграю в лотерею сто миллионов?

Мадам Матильда коротко взглянула на меня, снова уставилась на руку и пророкотала:

– А тут у нас что? Боже! У тебя островки на линии здоровья – стоит хорошенько заботиться о себе, особенно о голове. Кресты на холме Сатурна, звезды на холме Марса и крест на линии ума под Сатурном. Ты склонна попадать в аварии! Но ты, я вижу, не веришь в магию? Тогда я продемонстрирую тебе кое-что...

Она пододвинула к себе хрустальный шар, положила на него ладони и закрыла глаза. В такой позе сидела несколько минут, а затем, когда я уже думала, что гадалка заснула, раздался ее голос:

– Собаки... Я вижу собак. Много. Большие и маленькие. Они гонятся за тобой. Ты очень боишься. И знаешь, что если они тебя нагонят, то несдобровать. Ты где-то в бедной сельской местности. Наконец, ты видишь сарай и забегаешь туда...

– Хватит! – воскликнула я.

Мне не хотелось вспоминать о том, что произошло много лет назад, когда двенадцатилетней девчонкой я гостила в деревне у родственников. Бездомные псины атаковали меня и едва не растерзали, и мне пришлось запереться от них в сарае, откуда я боялась выйти и где меня нашли только под вечер. Но откуда Матильда могла узнать об этом? О том, что я боюсь собак и поклялась себе, что у меня никогда не будет животных, знали немногие, и уж точно не гадалка.

Тем временем Матильда взяла в руки карты Таро, быстро разложила их и сказала:

– Вижу мужчину. Ты его любишь. Он – твой муж. Но он тебя не любит, у него имеется другая. Ты застаешь их вместе...

– Прекратите! – потребовала я.

Мне совсем не хотелось, чтобы в присутствии Эдика гадалка выкладывала нелицеприятные подробности моей жизни. Достаточно того, что я знала их и помнила сама. Например, как я, вернувшись домой на день раньше с семинара менеджеров в Петербурге, обнаружила своего благоверного принимающим ванну – вместе с молодой пассией.

– Я верю! – вырвалось у меня. И в самом деле, мой скептицизм по отношению к гадалке исчез.

– Вижу, что ты говоришь правду, – заявила колдунья. – Ты принадлежишь к группе людей, которые не верят в то, что помимо нашего материального мира существует и другой, который доступен далеко не для всех. Нас окружают чудеса и таинственные знаки, прочесть и понять которые могут только избранные. И я – одна из них!

Мадам Матильда, как я поняла, не отличалась скромностью. Но, черт побери, откуда она знает мои тайны? Вообще-то я не верила в знахарей-ведунов: про покойную Леру упорно ходила байка, что когда-то, в пору ее далекой юности, цыганка предсказала, что мадам Свентицкая (тогда еще Людочка Скорикова) станет ужасно богатой и знаменитой, и таковой ее сделают правая нога и левая рука. А свой первый роман Лера создала в больнице, куда попала, сломав, поскользнувшись зимой в гололед, правую ногу, и бессмертное произведение под названием «Хрустальные слезы Снегурочки» написала от руки (денег на суперкомп тогда еще не было), причем сделала она это именно левой рукой, так как будущая писательница была от рождения левшой. «Руконожная» история уже столько лет тиражируется в газетах и по телевидению, имеется даже на всех сайтах Леры, и никто не подозревает, что изобрела сказочку я, в ту пору еще не личная секретраша великой писательницы, а скромная сотрудница отдела рекламы и стратегического планирования издательства. По конец Лера и сама поверила в эту чушь и постоянно упоминала чрезвычайно важную «деталь» своей звездной биографии в интервью. Знала бы она, что сия гениальная идея о поломанной нижней и золотой верхней конечности пришла ко мне во время энного просмотра незабвенной комедии про мытарства Семен Семёныча Горбункова. Помните – основная часть фильма носит название «Бриллиантовая рука», а эпилог – «Костяная нога». Но мадам Матильда, похоже, в самом деле обладала даром!

Разглагольствования колдуньи прервал Эдик:

– Вы и правда знаете, кто станет новой жертвой «Зодиака»?

– Постойте! Но ведь тогда вы должны также знать, кто является «Зодиаком»! – воскликнула я. – Если вы обладаете даром ясновидения, то вам не составит труда при помощи вашего магического шара или карт узнать, кого полиции надо арестовать!

Мадам Матильда хрипло рассмеялась и поднесла ко рту мундштук. Выпустив струю сизого дыма, сказала:

– Только в фильмах и книгах все выглядит просто, в действительности же совершенно иначе. Да, мне приходилось принимать участие в поисках пропавших людей или преступников, и в некоторых случаях я смогла помочь полиции и родственникам. Но, к сожалению, мне удается чувствовать только мертвую материю. Если человек мертв, то я могу попытаться определить, где он находится, а вот если жив... Иногда меня посещают видения совершенно иного рода: я вижу то, чему предстоит произойти. Наивно думать, что легко предотвратить то, чему суждено произойти. Что же касается убийцы... Я ведь вижу не его самого, а мир его глазами. Как будто некая сила позволяет мне настроиться на его волну. Поэтому лицо преступника всегда скрыто, и я не могу знать, кем он является.

– Так что же вы видели? – спросила я с любопытством. Похоже, мадам Матильда не была мошенницей или шарлатанкой.

Гадалка закрыла глаза и положила руки на хрустальный шар:

– Видение преследует меня вот уже несколько дней, с тех пор, как некто прислал отрезанную голову Авроры Демарко на вечеринку режиссера. Думаю, то происшествие и стало отправной точкой.

– Но вы не видели смерть мадам Свентицкой? – спросила я. – Она ведь была первой!

Раскрыв глаза, Матильда строго заметила:

– Вам тут не телевечер с пультом дистанционного управления в руках, и я не могу выбирать, что хочу видеть. Я не в силах вызвать видения, они приходят сами, когда сочтут, что настал нужный момент. Итак, не мешайте мне концентрироваться...

Она снова погрузилась в транс. Три или четыре минуты в кабинете царила полная тишина, затем Матильда прошептала:

– Да, я вижу... Вижу то, что скоро произойдет. Возможно, уже сегодня или завтра. Девушка, молодая девушка... Пурпурные занавеси, изумрудного цвета подушка... Волнистый попугайчик в клетке... Девушка мертва! Он только что сделал это!

– Он! – простонала я. – Может, вам все-таки удастся увидеть его лицо? Черт, пускай он хотя бы посмотрится в зеркало, и тогда вы узнаете, кто он!

Гадалка откинулась на спинку кресла и сказала с упреком:

– Вы прогнали видение! Во время сеанса должна царить тишина.

Эдик с осуждением посмотрел на меня, и мне сделалось до крайности стыдно. Мадам Матильда спасла меня замечанием:

– Впрочем, одна и та же картинка являлась мне уже четыре раза, и каждый раз она одинаковая, никаких новых деталей. Девушка лежала на кровати...

– Вы видели ее лицо? – спросила я. – Если мы не схватим убийцу, так хотя бы предупредим жертву! И так расстроим его коварные планы!

– Нет, – покачала головой Матильда, – она лежала вниз лицом, светлые длинные волнистые волосы распущены. Она была абсолютно нагой. А на стене, над кроватью, был следующий знак...

Гадалка поднялась, извлекла из секретера лист бумаги и нарисовала две загогулины.

– Астрологический знак Рака, – пояснила Матильда. – Нарисован ее помадой на зеркале.

– Постойте, – произнесла я, – если мы имеем дело с «Зодиаком», то ведь он отрезает у всех своих жертв головы. А у вашей девицы голова была на месте, так?

Матильда поежилась.

– Думаю, я увидела картинку в преддверии того момента, когда он... когда он собрался отрезать жертве голову.

– Но надо же что-то сделать! Вы должны проинформировать полицию, а ты, Эд, обязан сообщить об этом в своей газете. Всем девушкам с длинными светлыми волнистыми волосами, которые родились под знаком Рака и имеют дома волнистого попугайчика, нужно в ближайшее время покинуть Лос-Анджелес. Или их должны охранять!

– Мой шеф не согласится напечатать статью с подобным предупреждением, – уныло ответил Эдик. – Она может вызвать ненужную панику.

– То же самое заявила мне и Дана Хейли, заместитель окружного прокурора, с которой я говорила вчера днем, – сказала Матильда. – Мол, в Лос-Анджелесе очень много волнистых попугайчиков, а еще больше блондинок, родившихся под знаком Рака, и приставить к каждой по полицейскому невозможно.

– Дана Хейли наплевательски относится к судьбам других, – заметила я. – Но не можем же и мы сидеть сложа руки! Пускай какой-нибудь телевизионный канал прокрутит ролик...

– В котором мадам Матильда призовет всех к бдительности? – произнес с трагической иронией Эдик. – Никто на подобное не согласится! А если такое и произойдет, то разве люди поверят?

Я поняла, что абсолютно бессильна. Мой скептицизм рассеялся, я более не сомневалась в том, что мадам Матильда говорит правду. Нам известна новая жертва «Зодиака», но предотвратить убийство мы не в состоянии.

И вдруг меня осенило. Я спросила гадалку:

– Вы ведь общаетесь с представителями загробного мира?

– В твоем тоне мне чувствуется ирония, – ответила Матильда. – Да, я обладаю способностями медиума.

– Тогда вы можете вызвать дух Джека Тейлора! – заявила я. – И потребовать от него объяснений. Если он в самом деле был казнен за преступления, которых не совершал, то наверняка жаждет сообщить нам имя истинного убийцы!

Мадам Матильда несколько секунд колебалась, затем сказала:

– Ну что же, я могу попробовать. Однако духи вступают в контакт не когда мы этого потребуем, а исключительно по своему желанию.

Она отнесла на кухню поднос с бокалами и, вернувшись, зажгла несколько больших черных свечей с каббалистическими знаками. Одну из них она поставила на середину стола и выключила абажур.

Мне сделалось не по себе. Стоит ли вторгаться в мир призраков или позволять им входить в наш мир? Кто знает, чем это может закончиться. Уловив мои страхи, Эдик придвинулся ко мне и шепнул:

– Не волнуйся, я с тобой! Ничего страшного не произойдет! Я надеюсь, во всяком случае...

Мадам Матильда тем временем принесла планшетку из слоновой кости, на которой были укреплены несколько листов бумаги, и пару золоченых карандашей.

– Во время сеанса никто не должен переговариваться и передвигаться, – предупредила она. – Это может спугнуть посланцев с того света. Армагеддона я заперла в спальне. Учтите, что бы ни произошло, вы должны сохранять присутствие духа и не мешать мне.

Я вжалась в кресло и инстинктивно схватилась за руку Эдика. Матильда опустила голову на грудь и произнесла низким голосом:

– О, дух Джека Тейлора, взываю к тебе, услышь меня и войди в меня! Мы хотим знать правду!

Так она повторяла много раз, но ничего не происходило. Мне сделалось скучно. Похоже, призраки, если они и существуют, решили взять сегодня выходной. И вдруг произошло нечто необычайное – голова Матильды запрокинулась, я увидела, что глаза гадалки закатились, рот приоткрылся, тело задрожало. Она впала в транс.

– Я здесь! – послышался грубый мужской голос.

Я схватила руку Эдика и едва не вскочила от страха. Голос так не походил на контральто Матильды!

Затем раздался голос гадалки:

– Приветствую тебя, Джек Тейлор. Мы обращаемся к тебе, потому что хотим знать правду – был ли ты «Зодиаком» и в самом ли деле совершил убийства?

Снова страшный голос:

– Нет, я невиновен. Вы слышите? Я невиновен! Я не хочу умирать! Я не хочу умирать...

Раньше, попади я на подобный сеанс, непременно решила бы, что меня элементарно дурачат. Но сейчас я не сомневалась в том, что Матильда в действительности вызвала дух Джека Тейлора и он разговаривает с нами посредством ее голосового аппарата.

– Но если не ты, то кто? – спросила гадалка. – Скажи нам, Джек Тейлор, кто является истинным «Зодиаком». Открой его имя и поведай всю правду!

Голова гадалки лежала на груди. Ответа почему-то не последовало. Неужели дух Джека Тейлора ушел? Опять грубый голос:

– Ты хочешь узнать правду?

Стул, на котором сидела Матильда, сдвинулся с места. Но как такое возможно? Ее голова запрокинулась, и я увидела на губах женщины пену. Голос принадлежал не Джеку Тейлору. Он был странный, не мужской и не женский – свистящий тенор.

– Кто ты? – спросила Матильда.

– Ты хотела поговорить со мной! – заявил голос. – Я и есть «Зодиак».

С моих губ сорвался тихий стон. Я испугалась, что «Зодиак» уйдет, но спугнуть мерзавца, пришедшего к нам из глубин ада, было не так-то легко.

– Ты только что говорила с придурком Джеком Тейлором, – продолжал наглый голос. – Он был жалким ничтожеством в прежней жизни, остался таким же и в жизни загробной. Благодаря моему уму он поджарился на электрическом стуле!

– Кто ты? – повторила Матильда. – Дух, скажи свое имя! Ты должен слушаться меня!

Шея гадалки странно изгибалась, тело дрожало.

– Заткнись! – был ответ «Зодиака». – Или хочешь стать моей новой жертвой? Я знаю, что ты видела девчонку с попугаем, которая умрет грядущей ночью. Но ни ты, ни твои дружки не смогут этому помешать!

– Скажи свое имя, о дух! – стонала Матильда. Пот катил с нее градом, пальцы крючились в судорогах. – Я приказываю тебе!

– Меня... зовут... – сорвалось с губ несчастной и внезапно все стихло. Затем тонкий женский голос произнес: – Помогите! Прошу вас, помогите мне! – И вновь страшный голос: – Знаешь, кто это был? Ирина Мельникофф, которая умерла в день казни придурка Джека Тейлора. Она стала моей последней жертвой. Но я вернулся! Мой дух вселился в новое тело, и я продолжил убийства! Сегодня ночью я совершу новое!

Я намертво вцепилась в руку Эдика. Волосы на голове у меня зашевелились, хотелось только одного – чтобы ужасное представление закончилось как можно быстрее. Журналисту, как я заметила, тоже было не по себе.

Мадам Матильда обмякла и долгое время не произносила ни слова.

– Как думаешь, ей не требуется медицинская помощь? – шепнула я Эдику.

– Со мной все в порядке, – раздался хриплый голос ясновидящей. Она медленно открыла глаза. – Что случилось? Почему у вас такой испуганный вид?

– Вы что, ничего не помните? – с опаской поинтересовался Эдик.

Мадам Матильда покачала головой:

– На время сеанса мое сознание отключается. Так что же произошло?

Мы, перебивая друг друга, рассказали Матильде о том, что имело место. Гадалка испуганно спросила:

– Через меня с вами говорил «Зодиак»? И заявил, что нынешней ночью произойдет новое убийство?

– И он сказал, что его дух вселился в новое тело, – кивнула я, дрожа. – Разве такое может быть?

Мадам Матильда с трудом поднялась из кресла (ее силы явно были на исходе – наверняка на проведение сеанса ушла все ее энергия), включила абажур и задула свечу.

– Человеческая сущность заключается в душе, которая после смерти меняет тело, – сказала она таким тоном, как будто это было не фантастическое предположение, а научная истина. – Почти всегда, войдя в новое тело, душа начинает жизнь заново, и воспоминания о том, что было в прежней жизни, стираются. Но иногда, чрезвычайно редко, они возвращаются, и тогда человека терзают непонятные сны, странные мысли и потаенные желания. Это бесконечный процесс.

Я подумала, что гадалка, не исключено, права. Кто знает, кем я была в прошлой жизни? И кем стану в новой? Однако все же возразила:

– Глупости! Можно подумать, что где-то существует некая фабрика душ! И вообще, объясните мне: если раньше людей вообще не было, а затем количество homo sapiens было по сравнению с нынешним крайне мало, то откуда взялись души для все новых и новых «человеков», для тех же самых китайцев и индусов, которых сейчас за два миллиарда? Они что, мно-

гие годы томились в галактической темнице? Или мы все были раньше динозаврами и вообще одноклеточными амебами?

– И как это согласовывается с христианской религией? – продолжил вопросы Эдик, указав на распятие. – Кажется, это полностью противоречит ее догматам...

Мадам Матильда постепенно приходила в себя. Ее голос обрел прежнюю звучность. Она выпустила из спальни Армагеддона, и огромный котище с урчанием бросился к хозяйке.

– Мы не хотим признавать правду, поэтому и прикрываемся тем, что именуется религиями. В каждой из них имеется зерно истины, и только тот, кто обладает прозорливостью, сможет познать истину полностью. Пока преступление не раскрыто, душа убитого не найдет упокоения, даже в новом теле. Поэтому часто бывает: в новой жизни человек, в теле которого живет душа жертвы убийства, посещает те места, где обитал в прошлой жизни и где произошло преступление.

– Выходит, что живые – всего лишь воскресшие мертвые? – продолжала удивляться я. – И нет особой разницы между жизнью и смертью? Таким образом, смерть – продолжение жизни? И вообще, я читала, что переселение душ – сказки. В Индии распространены истории о том, что какой-то маленький мальчик или маленькая девочка вдруг вспомнили, кем были в предыдущей жизни, родители отвезли их в далекую деревушку, и там они наткнулись... на свою собственную могилу! Такие истории характерны именно для Индии, потому что как раз там и верят в переселение душ. Так же, как в засохшем гамбургере именно истовые католики распознают лик Христа или фигуру Девы Марии – ведь это так согласуется с их представлениями о религии! Но если предположить, что душа «Зодиака» переселилась в новое тело, то наверняка имеется способ установить, в чье именно! И вы наверняка в состоянии это сделать!

Матильда качнула головой.

– Невозможно! «Зодиак» слишком силен, и если он этого не хочет, то никогда не сообщит, в чьем теле он теперь обитает. Но сейчас вам пора – через десять минут у меня будет важный клиент.

Нам не оставалось ничего иного, как ретироваться. Когда мы садились в «Порше» Эдика, то увидели огромный черный «Кадиллак», затормозивший около салона мадам Матильды. Я заметила женщину, закутанную в восточные одеяния, и мне показалось, что я узнала в ней знаменитую актрису прошлых лет.

– Неужели это... – начала я и повернулась к Эдику.

Мой любимый журналист кивнул:

– В Лос-Анджелесе увидишь и не такое.

– Ты веришь в то, что души после смерти меняют тела? – спросила я Эдика после короткой паузы, когда мы направлялись восстановить силы в тайский ресторанчик.

– Честно говоря, нет, – ответил Эдик. – Я всегда настороженно относился к подобным заявлениям и так называемым магическим трюкам. Но мадам Матильда – не обманщица. Она в самом деле помогла раскрыть несколько запутанных преступлений. Вот почитай...

В папке, которую дал мне Эдик, содержались вырезки из газет и журналов. Все они были посвящены мадам Матильде и ее дару.

– Она считается одной из лучших, – продолжил журналист. – Остается только надеяться, что на сей раз она ошиблась, и никакого нового убийства не будет.

Меня же не оставляли дурные предчувствия. Механически уминая «дары моря» в ресторанчике, я думала о том, что где-то в огромном городе бродит человек, телом которого управляет злобный дух «Зодиака». Или это всего лишь сказки? Но кто знает, что истина, а что ложь со стопроцентной уверенностью?

Мы вернулись в отель, когда уже темнело. Мне очень не хотелось, чтобы Эдик уходил: честно скажу – было страшно оставаться одной в номере. Я вспомнила о незавидной судьбе мадам Свентицкой – женщиной она была, конечно, вздорной и малопривлекательной, но не заслужила

такую кошмарную смерть. А что, если «Зодиак» надумает навеститься ко мне? Ведь жертвы-Козерога пока еще не было!

Говорили мы о каких-то пустяках, и страх постепенно отступил. Вернее, затаился, готовый выскочить в тот момент, когда за Эдиком захлопнется дверь. И неожиданно для себя самой я вдруг выпалила:

– Прошу тебя, не уходи! Я не хочу оставаться в одиночестве!

– Тебе нечего бояться, – с улыбкой произнес Эдик.

Красавец-журналист был прав: пока он со мной, то бояться нечего.

Я улеглась на софу, Эдик уселся рядом, и я вцепилась в его ладонь. Он рассказывал о своей работе, и я чувствовала себя спокойно. Переживания и усталость последних дней дали о себе знать, я заснула.

Не помню, что именно привиделось мне. Какая-то чепуха – золотистые ирисы в изящной фарфоровой вазе, открытая дверь, за которой тень... В любом случае, открыв глаза, я почувствовала, что сердце мое сумасшедше билось, а во рту пересохло. Мне было до чертиков страшно. Но я знала, что со мной Эдик и мне ничто не грозит...

Подняв голову с дивана, я увидела, что номер пуст. Моего журналиста не было. В ужасе подскочила и обнаружила на столе записку, в которой Эдик сообщал, что ему требуется уйти, потому что работа над очередной статьей, которую необходимо представить с утра, не ждет. Меня он решил не будить, потому что я походила во сне на младенца.

Часы показывали три четверти пятого. Уже не ночь, но еще и не утро. Я вслушалась в тишину, и мне показалось, что до меня донеслись осторожные шаги. Включив все лампы, какие только были в номере, я заглянула под кровать, обследовала ванную комнату и даже приподняла крышку унитаза.

Нет, все это моя необузданная фантазия. Никто меня не преследует, никакой «Зодиак» не пришел по мою душу. Да и мадам Матильда предсказала, что ночью будет убита некая блондинка, родившаяся под знаком Рака. У меня волосы отнюдь не светлые, и мой знак – Козерог. Так чего мне, собственно, опасаться?

Я включила телевизор и улеглась на кровать. Остановив свой выбор на старом вестерне, я уставилась в экран, размышляя о том, что, по словам гадалки, в прошлой жизни моя душа находилась в совершенно ином теле. Правда это или нет?

Я сама не заметила, как заснула. Кошмары меня больше не мучили, и очнулась я от телефонной трели.

– Марина, я тебя разбудил? – послышался родной голос Эдика.

Уже рассвело, и стрелки часов замерли на пяти минутах десятого.

По волнению, с которым говорил красавец-журналист, я поняла: произошло нечто ужасное.

– Мне только что удалось узнать – прошедшей ночью, как предсказала мадам Матильда, произошло новое убийство. Все, что мне известно, так это то, что жертвой стала молодая девушка. И... – Эдик на мгновение смолк. – И на месте преступления был обнаружен фирменный знак «Зодиака» – изображение созвездия Рака! Оставайся в номере и никуда не уходи, я постараюсь приехать к тебе, как только смогу.

Я закуталась в одеяло, пытаюсь унять дрожь. Так как же остановить проклятого «Зодиака»?

Ирина Мельникофф

Как ни трагично осознавать, но все мы смертны. Существование каждого из нас завершится одинаково. В моем случае, как я уже говорила, это было жестокое убийство. Но моя жизнь, финал которой оказался столь ужасен, не только завершилась убийством, но и началась с него.

На свет появилась я 6 сентября 1911 года в Санкт-Петербурге, городе, который являлся тогда столицей канувшей вскоре в Лету империи. Вообще-то, по расчетам врачей, мне суждено было увидеть свет в начале ноября, однако обстоятельства сложились так, что все произошло намного раньше.

Мой отец, Адриан Георгиевич Мельников, был известным в Петербурге адвокатом. На сохранившихся фотографиях он выглядит импозантно – солидный господин с ухоженной седой бородкой с умными грустными глазами, в элегантном костюме-тройке. Он специализировался на уголовных процессах, среди клиентов моего батюшки было много богатых и знаменитых личностей тех лет.

В семейной жизни батюшке не везло. Первая супруга Адриана Георгиевича скончалась от менингита спустя всего пять с половиной месяцев после бракосочетания, когда они проводили летний отдых в Венеции. Это был сильнейший удар для моего отца (в то время начинающего молодого адвоката), в особенности по причине того, что его супруга была на третьем месяце беременности.

Ввергнутый в отчаяние ее смертью, он ушел с головой в работу и всего в течение нескольких лет обрел славу непобедимого защитника. Он достиг всего, о чем мечтал, – у него имелся профессиональный успех, высокое социальное положение и богатство. Неудивительно, что через двенадцать лет после кончины первой супруги, в самом начале века, он решил обзавестись семьей.

Его выбор пал на молодую состоятельную вдову, которая выступала в качестве свидетельницы по одному из дел, что он вел. Через пять недель он сделал ей предложение, и она ответила согласием. Ничто не предвещало повторения трагедии, разыгравшейся за много лет до того: свадьба была шумная, и после венчания молодожены отправились в Париж.

На свет появились мальчик, нареченный в честь отца Адрианом, затем девочка, названная в честь матери Надеждой. В конце 1904 года вторая жена моего отца сообщила ему, что ощущает признаки новой беременности. Батюшка был на седьмом небе от счастья – все, чего он желал, свершилось.

Но боги не любят счастливых и жестоко карают тех, кто бросает им вызов. Отец не чурался шумных дел, о которых охотно докладывали в газетах и судачили в обществе. Поэтому, когда к нему обратились с предложением защищать одного из так называемых революционеров, обвинявшегося ни много ни мало как в убийстве шефа своей подпольной организации, которая замышляла государственный переворот и убийство государя посредством бомбометания во время службы в храме, он согласился.

Подробнее о процессе можно прочитать в «Голосе» за февраль-март 1904 года. Все сходилось во мнении, что финальная речь моего отца, которую он держал перед присяжными, была одной из лучших и наиболее проникновенных со времен Цицерона. Адвокату удалось отвлечь внимание от того факта, что и убитый, и убийца были влюблены в одну и ту же молодую революционерку, что и привело к кровопролитию, а представил все, как ссору молодых людей, чей разум был затуманен идеями всеобщей свободы, равенства и братства.

Стратегия Адриана Георгиевича возымела успех, и он смог убедить присяжных в том, что имело место не банальное бытовое убийство, а преступление, подоплекой которого являлись революционные идеалы. В те времена (первая русская революция была не за горами)

очень многие симпатизировали подобным идеям, и стоило только завести речь о модернизации общества, реформировании аппарата государственной власти и о конституционной монархии, как раздавались аплодисменты и виваты.

Ни у кого не вызвал удивления оправдательный приговор, вынесенный революционеру, зарубившему соперника топором из-за угла. Сочли, что им руководили не низменные страсти, а высокие идеалы. Дамы утирали слезы платочками и посылали подсудимому воздушные поцелуи, а мужчины открыто заявляли, что на его месте поступили точно так же – ведь речь шла о благе России.

Два дня спустя в особняк моего батюшки, располагавшийся на Английской набережной, доставили внушительный пакет. Он был адресован на его имя, но сам отец в то время был в Царском Селе, где консультировал одного из новых клиентов-аристократов.

Мой трехлетний братик Адриан был уверен, что в пакете находится железная дорога, которую отец обещал подарить ему. Супруга моего отца тоже в этом не сомневалась, а потому велела поставить пакет в гостиной и раскрыть его.

Взрыв последовал, когда Адриан попытался стащить оберточную бумагу. Такова была месть прочих членов революционной организации, крайне недовольных оправданием убийцы их вождя. Они обвиняли во всем Адриана Георгиевича и были, должна признать, правы: представляй интересы молодого убийцы иной, менее опытный и более косноязычный юрист, его бы признали виновным. Тогда и никакого несчастья не произошло бы.

Мой братик, с которым я так и не познакомилась и от которого осталось только несколько фотографий, где он запечатлен в матросском костюмчике, был убит на месте, так же, как и двое лакеев, помогавших развязывать пакет. Жена отца, полуторагодовалая Надюша и французская бонна, стоявшие чуть поодаль, получили серьезнейшие увечья. Когда батюшка, вызванный из Царского Села, прибыл в Петербург, то лицезрел ужасную картину: половина первого этажа особняка была разрушена взрывом бомбы, собственно, предназначавшейся изначально венценосной фамилии.

Первой умерла француженка, которой оторвало обе нижние конечности. Супруге моего отца разворотило все лицо, но она сумела протянуть несколько часов в Мариинской больнице, где лучшие врачи боролись за ее жизнь. Более всего пришлось страдать моей сестре Надечке – у бедной малышки был покалечен позвоночник, в результате чего она оказалась полностью парализованной. Девчушка жила еще восемь недель, но затем ранение взяло свое, и она скончалась, став последней жертвой кошмарного террористического акта.

Так в течение короткого времени Адриан Георгиевич потерял беременную жену и двух детей. Позже, сравнивая фотографии, сделанные незадолго до трагедии и после нее, я поразилась тому, что мой отец за несколько месяцев постарел лет на двадцать – из сорокалетнего полнокровного мужчины он превратился в сломленного судьбой седого старика.

Виня себя за то, что он никак не смог помочь близким и любимым и не погиб вместе с ними, Адриан Георгиевич отправился в долгое путешествие по заграницам. Он посетил Германию, Францию, Италию, Испанию, затем перебрался в Египет, оттуда – в Индию и на Тибет, после чего пожил некоторое время в Новой Зеландии и Австралии.

Он пытался скрыться от тяжких мыслей, убежать от самого себя. Он искал утешения, задавался мучительным вопросом, почему некто или нечто (бог, судьба, случайность?) отняло у него любимую жену и трех детей, однако не нашел ответа ни у европейских философов, ни у египетских колдунов, ни у тибетских монахов, ни у австралийских дикарей.

После почти пятилетнего отсутствия Адриан Георгиевич решил, что настало время вернуться на родину. Его душевные раны не затянулись, он не стал за эти годы ни мудрее, ни смиреннее, но его тянуло в Россию.

В Петербурге он больше жить не мог или не хотел, поэтому поселился в Москве, благо, что именитые адвокаты (несмотря на долгий перерыв, его слава не угасла) требовались и в бывшей столице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.